

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

A woman with dark hair is seen from the chest up, looking out of a window of a dark spaceship. She is looking towards a massive, complex orbital structure in space. This structure consists of several large, interconnected loops or rings, each lined with numerous small, glowing lights, resembling a city or a futuristic space station. The loops are intertwined in a complex, almost knotted pattern. In the background, there is a vibrant nebula with shades of blue, green, and orange, and several smaller spacecraft are visible in the distance. The overall scene is set against the deep black of space, filled with stars.

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ
АУКЦИОН

Эдуард Сероусов

Галактический аукцион

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72497809

SelfPub; 2025

Аннотация

Когда Елена Соколова, бывший дипломат ООН с неоднозначной репутацией, узнаёт, что Земля выставлена на галактический аукцион как "биологический заповедник с экспериментальным разумным видом", она возглавляет отчаянную миссию для спасения человечества. Вместе с командой талантливых специалистов Елена отправляется на космическую станцию Нексус, чтобы активировать древний "Протокол испытаний" – единственный шанс доказать ценность человечества. Но в галактическом сообществе, где технологии и военная мощь ничего не значат, команде предстоит продемонстрировать совсем иные качества – понимание, сострадание и готовность к самопожертвованию. Сможет ли человечество превзойти свои ограничения и заслужить право на автономию в безразличной Вселенной?

Содержание

Часть II: Путешествие	110
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Эдуард Сероусов

Галактический аукцион

Часть I: Откровение

Глава 1: Сигнал

Елена Соколова стояла у окна своей женеvской квартиры, наблюдая, как мерцающие огни города растворяются в пред-рассветной дымке. Она не спала уже тридцать шесть часов. Чашка эспрессо – третья за ночь – остывала на столе рядом с терминалом, заполненным аналитическими сводками. Очередной глобальный кризис требовал её внимания. Очередной день, когда человечество балансировало на грани.

Часы показывали 4:37 утра, когда её личный коммуника-тор завибрировал. Не рабочий. Личный. Тот, номер которого знали всего пять человек во всём мире.

– Слушаю, – её голос звучал хрипло от усталости и сига-ретного дыма.

– Лена, – знакомый голос, который она не слышала боль-ше двух лет. Её бывший начальник в ООН, Мигель Рами-рес. – Мне нужно, чтобы ты села в самолёт.

Елена усмехнулась, потушив сигарету в переполненной пепельнице.

– Мигель, ты понимаешь, который сейчас час? Я сейчас консультирую чешское правительство по антитеррористиче-ским мерам и...

– Это не телефонный разговор, – оборвал он её. В его обычно безупречно дипломатичном тоне прорезалась тревога. – За тобой уже выехали. Двадцать минут на сборы. Ничего с собой не бери, всё необходимое предоставим на месте.

– Мигель, что за...

– Код «Кассандра», Лена.

Елена замерла. Протокол «Кассандра» был создан ООН для ситуаций экзистенциальной угрозы человечеству. Насколько ей было известно, его никогда не активировали. До этого момента.

– Понятно, – её голос мгновенно стал профессионально-холодным. – Двадцать минут.

Она отключила связь и сразу начала действовать. Быстрый ледяной душ. Удобная одежда без опознавательных знаков. Минимум косметики. Она загрузила все текущие проекты в зашифрованное облако и активировала протокол экстренного уничтожения данных на домашних устройствах. Через шестнадцать минут квартира уже не содержала ничего, что могло бы рассказать о её настоящей работе.

Когда в дверь постучали, она уже ждала с пустыми руками.

В коридоре стояли двое мужчин в штатском, но их военная выправка была очевидна даже для неподготовленного взгляда.

– Госпожа Соколова, – произнёс один из них с едва уловимым американским акцентом. – Пожалуйста, проследуйте

за нами.

Она молча кивнула и вышла, захлопнув дверь. Замки автоматически активировались. Интересно, увидит ли она эту квартиру снова?

Чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Молчаливые спутники. Скоростная трасса в сторону аэропорта. Обычный сценарий экстренной эвакуации. Но что-то подсказывало Елене, что сегодняшняя ситуация выходит за рамки всех протоколов, с которыми ей приходилось иметь дело за пятнадцать лет дипломатической карьеры.

Вместо главного терминала аэропорта машина повернула к военной части. Небольшой реактивный самолёт уже ждал на взлётной полосе, двигатели работали. Никаких опознавательных знаков, ни логотипов, ни регистрационных номеров. Самолёт-призрак.

– Куда меня везут? – спросила она, когда они остановились у трапа.

– Всё узнаете на месте, мэм, – ответил второй сопровождающий с британским акцентом.

Она только хмыкнула. Обычный ответ в таких ситуациях.

Внутри самолёта её ждал сюрприз – Мигель Рамирес лично, с осунувшимся лицом и покрасневшими от недосыпа глазами. Вместо приветствия он просто протянул ей планшет с документом.

– Прочти и подпиши. Пока не подпишешь, ничего не скажу.

Документ представлял собой соглашение о неразглашении такого уровня секретности, что даже Елена, имевшая высший допуск во время работы в ООН, никогда прежде не видела подобного. Она быстро просмотрела текст, отметив несколько тревожных пунктов: «...даже после смерти всех причастных лиц...», «...независимо от последствий для национальной безопасности отдельных государств...», «...вплоть до принятия решения о полном информировании общественности...»

– Что здесь происходит, Мигель? – спросила она, поднимая взгляд. – Это похоже на подготовку к апокалипсису.

Мигель потёр переносицу и тихо произнёс:

– Просто подпиши, Лена. Пожалуйста.

Она изучала его лицо несколько секунд, затем молча подписала документ своей электронной подписью.

Самолёт уже был в воздухе, когда Мигель наконец заговорил:

– Четыре дня назад радиотелескоп в Аресибо зафиксировал сигнал. Необычный сигнал. Настолько странный, что сначала его приняли за сбой оборудования.

– Инопланетяне? – Елена скептически приподняла бровь. – Серьёзно, Мигель?

– Если бы всё было так просто, – он горько усмехнулся. – Сигнал был направлен не к нам, Лена. Мы его перехватили случайно. Он проходил мимо Земли. И да, он определённо искусственного происхождения.

Елена молчала, ожидая продолжения.

– Сигнал содержал данные. Огромный массив данных, закодированный способом, который наши компьютеры не могли расшифровать традиционными методами. Мы подключили лучшие квантовые компьютеры и ИИ-системы. Расшифровка заняла три дня.

– И что в нём было? – её сердце забилося чаще, хотя она старалась сохранять внешнее спокойствие.

Мигель посмотрел ей прямо в глаза.

– Каталог, Лена. Это был фрагмент каталога.

– Каталога чего?

– Планет. Звёздных систем. Ресурсов. Форм жизни, – он сделал паузу. – Включая нас.

Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– О чём ты говоришь?

– Земля была включена в этот каталог. С полным описанием, классификацией, оценкой ресурсов. И с примечанием: «Включить в реестр предстоящего аукциона как биологический заповедник с экспериментальным разумным видом».

Повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только гулом двигателей.

– Аукциона, – медленно повторила Елена. – Кто-то собирается... продать нашу планету?

– Именно так это выглядит, – кивнул Мигель. – И, судя по всему, это не какая-то шутка или мистификация. Сигнал был лишь фрагментом гораздо большего объёма данных. Мы

засекли ещё несколько подобных передач, но не смогли их перехватить. Они проходят через некую сеть коммуникаций, о существовании которой мы даже не подозревали.

– Когда? – спросила Елена, удивляясь спокойствию собственного голоса.

– Что?

– Когда аукцион?

– По нашим расчётам, через шесть месяцев. Может, чуть больше.

Елена откинулась на спинку кресла, пытаясь осмыслить услышанное. Шесть месяцев. Полгода до того, как кто-то неизвестный решит судьбу человечества на каком-то космическом базаре.

– И каков план? – спросила она наконец. – Зачем я понадобилась?

– Мы получили второй сигнал, – Мигель достал из кейса ещё один планшет. – Напрямую к нам. Вчера. Скоординированный ответ на все основные радиочастоты, используемые для связи на Земле.

Он развернул голографическую проекцию над планшетом – сложную анимацию из символов, похожих на текучую геометрию, постоянно меняющую форму.

– Это официальное уведомление, – продолжил он. – Земля официально внесена в аукционный реестр. У нас есть право отправить представителей для... как бы это сказать... для участия в процессе.

– В процессе продажи нашей собственной планеты? – в голосе Елены прорезалась ирония.

– В процессе определения её статуса, – поправил Мигель. – Согласно расшифровке, есть некий протокол для «экспериментальных видов», позволяющий доказать свою ценность и получить определённые права.

– И как же человечество должно доказывать свою «ценность»? Ядерным арсеналом? – она скептически усмехнулась.

Мигель покачал головой.

– Судя по всему, военная мощь – это последнее, что имеет значение на этом уровне. Они могли бы уничтожить нас, даже не заметив. Нет, речь идёт о других критериях оценки. Но конкретики мало.

– И каким образом я вписываюсь в эту безумную картину?

Мигель выдержал долгую паузу, прежде чем ответить:

– Совет Безопасности собирается через три часа. Экстренное закрытое заседание на нейтральной территории. Представители всех постоянных членов плюс Германия, Япония, Индия и Бразилия. Нужен человек, который возглавит миссию. Человек с опытом межкультурной коммуникации, урегулирования конфликтов и нестандартным мышлением. Человек, который видит за пределами земной политики.

– Ты предлагаешь мне возглавить делегацию на межгалактический аукцион? – Елена рассмеялась, но её смех прозвучал неестественно даже для неё самой. – После того, как ме-

ня с позором уволили из ООН за «неортодоксальные методы»?

– Именно поэтому, – серьёзно ответил Мигель. – Ты единственная, кто сможет мыслить за пределами наших земных конструкций. Кто сможет импровизировать. Кто готов нарушить правила, когда это необходимо.

– А ещё я идеальный козёл отпущения, если всё пойдёт не так, – мрачно добавила она. – Уже скомпрометированный дипломат с подмоченной репутацией.

– Лена, – Мигель положил руку ей на плечо. – Это не про политику. Это про выживание. Мы собираем лучших, независимо от национальности, политических взглядов или прошлых ошибок. Лучших в своих областях.

Елена смотрела в иллюминатор на проплывающие внизу облака. Где-то там, под этим белым покрывалом, миллиарды людей продолжали жить своей обычной жизнью, не подозревая, что их судьба уже выставлена на торги.

– Куда мы летим? – спросила она наконец.

– В Норвегию. Подземный комплекс Свальбард.

– Семенохранилище? – удивилась Елена.

– Нет, новый объект. Секретный. Построен три года назад на случай глобальной катастрофы. Идеальное место для разговора, который изменит судьбу человечества, – Мигель попытался улыбнуться, но вышла лишь гримаса. – У нас пять часов полёта. Советую поспать. Когда мы приземлимся, времени на отдых не будет.

Елена кивнула, но знала, что не сможет уснуть. Слишком много вопросов кружилось в её голове. Кто проводит этот аукцион? Почему Земля классифицирована как «заповедник с экспериментальным разумным видом»? Что случится с человечеством после продажи?

И главное – есть ли хоть какой-то шанс это остановить?

Она закрыла глаза, но вместо темноты видела странные символы инопланетного сообщения, танцующие под веками как предвестники конца всего, что она знала.

Свальбардский комплекс оказался массивным подземным сооружением, вырубленным в вечной мерзлоте. Внешне – неприметная исследовательская станция, внутри – настоящий подземный город с автономными системами жизнеобеспечения, рассчитанными на годы изоляции.

Их встретила группа военных в форме без опознавательных знаков. Молчаливый эскорт провёл их через серию контрольных пунктов с биометрической идентификацией. Елена отметила, что охрана состояла из представителей разных стран – явно международный контингент.

– Сколько людей знает о ситуации? – спросила она Мигеля, когда они спускались на скоростном лифте вглубь комплекса.

– Меньше ста человек во всём мире. Главы государств, несколько ключевых министров, руководители разведок, от-

дельные учёные. Информация строго компартиментализирована – никто не владеет полной картиной, кроме очень узкого круга лиц.

– И среди этих ста меня выбрали руководителем миссии? – она покачала головой. – Должно быть, ситуация действительно отчаянная.

– Не льсти себе, – впервые за встречу Мигель улыбнулся по-настоящему. – Ты в списке из пяти кандидатов. Остальных тоже вызвали.

Лифт остановился, и двери открылись в просторный зал с круглым столом в центре. Вокруг стола уже собрались около двадцати человек – мужчины и женщины в деловых костюмах, военной форме и лабораторных халатах. Атмосфера была напряжённой; несколько человек горячо спорили, другие молча изучали данные на персональных терминалах.

– Ты опоздал, Рамирес, – к ним подошёл высокий седой мужчина с военной выправкой. Елена узнала генерала Хоторна, заместителя председателя Объединённого комитета начальников штабов США.

– Транспортная задержка, генерал, – ответил Мигель. – Позвольте представить, Елена Соколова, бывший специальный представитель Генерального секретаря ООН по урегулированию конфликтов.

Хоторн окинул Елену оценивающим взглядом.

– Соколова. Южносуданский кризис, верно? Нестандартное решение.

– Которое спасло тридцать тысяч жизней, – холодно ответила она.

– И стоило вам карьеры, – заметил генерал. – Впрочем, сейчас это не имеет значения. Брифинг начнётся через пятнадцать минут. Вводные данные уже загружены на ваш терминал.

Он кивнул на место за столом с табличкой «Е. Соколова». Елена удивлённо приподняла бровь – похоже, её кандидатуру уже утвердили до прибытия.

– Что произошло с другими кандидатами? – тихо спросила она Мигеля.

– Двое отказались, один оказался недоступен, ещё один прибудет позже, – так же тихо ответил он. – Но, если честно, выбор был предreshён. Я просто не хотел давить на тебя.

Елена села на указанное место и активировала персональный терминал. Экран мгновенно заполнился информацией – расшифровки сигналов, аналитические отчёты, предварительные сценарии реагирования. Она быстро просматривала документы, выхватывая ключевые детали:

«...сигнал содержал координаты пространственно-временной точки, идентифицированной как место проведения аукциона. По нашим расчётам, это расположение находится в 57 световых годах от Земли...»

«...технология, необходимая для преодоления такого расстояния за приемлемое время, теоретически возможна при использовании принципов искривления пространства-вре-

мени, но значительно превосходит наши текущие возможности...»

«...предварительный анализ лингвистических конструкций указывает на существование сложной межзвёздной бюрократической системы с множеством правил и протоколов...»

«...упоминание о "Протоколе испытаний" как механизме для "экспериментальных видов" оспорить свой статус...»

«...расчётный срок подготовки миссии: 30 дней...»

Елена подняла глаза от терминала. Тридцать дней на подготовку миссии к встрече с внеземной цивилизацией, способной преодолевать межзвёздные расстояния и торговать планетами как лотами на аукционе? Это было за гранью абсурда.

– Дамы и господа, прошу внимания, – раздался голос из динамиков. За отдельным столом поднялся пожилой мужчина в безупречном костюме. Елена узнала Генерального секретаря ООН Амара Нджаи, хотя он выглядел значительно более истощённым, чем на последних публичных появлениях.

– Благодарю всех за оперативное реагирование и соблюдение протоколов секретности, – продолжил Нджаи. – Как вы уже знаете, мы столкнулись с беспрецедентной ситуацией, требующей координированного глобального ответа. Доктор Ли, пожалуйста, представьте вашу оценку.

Миниатюрная азиатская женщина в лабораторном хала-

те встала и активировала голографическую проекцию в центре стола. Появилось трёхмерное изображение Солнечной системы с выделенной Землёй.

– Доктор Сунь Ли, руководитель международной научной группы по анализу сигнала, – представилась она. – После четырёх дней интенсивного анализа мы можем с высокой степенью уверенности утверждать, что полученные нами сообщения действительно имеют внеземное происхождение и содержат информацию о включении Земли в некий межзвёздный аукционный каталог.

Она сделала жест, и изображение сменилось на сложную визуализацию сигнала.

– Передача использует квантовую модуляцию, которая теоретически позволяет мгновенную коммуникацию независимо от расстояния. Технология значительно превосходит наши возможности, но соответствует теоретическим моделям, разработанным в последние годы.

– Вы уверены, что это не розыгрыш? Не какой-нибудь сложный хакерский взлом? – спросил кто-то из военных.

Доктор Ли покачала головой.

– Абсолютно исключено. Сигнал был одновременно получен семнадцатью независимыми радиотелескопами по всему миру, включая частные обсерватории, не связанные с правительственными сетями. Более того, – она сделала паузу, – сигнал содержит информацию, которую невозможно было бы сфальсифицировать: точные данные о составе земной ат-

мосферы в разные геологические эпохи, детальное описание биосферы, включая виды, неизвестные науке, но существование которых мы смогли подтвердить после получения этой информации.

В зале воцарилась тишина.

– Что конкретно говорится в сообщении о статусе Земли? – спросила Елена.

Доктор Ли кивнула, признавая вопрос.

– Согласно нашему переводу, Земля классифицирована как «биосферный заповедник категории А3 с экспериментальной разумной формой жизни на стадии технологического развития D2». Это означает планету с высоким биоразнообразием и видом, который был... – она запнулась, – который был создан или модифицирован более развитой цивилизацией.

По залу прокатился шёпот.

– Вы хотите сказать, что согласно этому сообщению, человечество – чей-то эксперимент? – уточнил представитель Китая.

– Именно такой вывод следует из классификации, – подтвердила доктор Ли. – Более того, в сопроводительных данных есть упоминания о «стандартных протоколах оценки экспериментальных видов» и «показателях успешности эксперимента».

– И каковы эти показатели? – спросил генерал Хоторн.

– Это наиболее тревожная часть, – ответила Ли. – Судя

по доступным нам фрагментам, человечество оценивается как «эксперимент с неопределённым исходом, демонстрирующий признаки дисбаланса». Упоминается высокий технологический потенциал при «нерешённых фундаментальных внутривидовых конфликтах» и «критическом воздействии на биосферу».

Елена почувствовала, как холодок пробежал по спине. Нас оценивают как лабораторных крыс, которые плохо справляются с лабиринтом.

– Что известно о самом аукционе? – спросила она. – Кто покупатели? Каковы их намерения?

– Об этом данных мало, – доктор Ли вывела на экран новую схему. – Мы знаем только, что аукцион проводится организацией, которая переводится примерно как «Галактический консорциум управления ресурсами». Покупателями могут быть различные «фракции» или цивилизации с разными интересами. Некоторые, по-видимому, заинтересованы в биоразнообразии для научных или коллекционных целей, другие – в минеральных ресурсах планеты.

– А что произойдёт с людьми после продажи? – спросил кто-то из дальнего конца стола.

Доктор Ли опустила глаза.

– Это зависит от покупателя и результатов «оценки эксперимента». Варианты включают всё: от сохранения статус-кво под наблюдением до полной «утилизации неудавшегося образца».

– Геноцид, – произнёс кто-то.

– Потенциально, да, – тихо подтвердила Ли.

В зале повисла тяжёлая тишина.

– Вы упомянули «Протокол испытаний», – нарушила молчание Елена. – Что это?

Доктор Ли кивнула и вывела новое изображение – фрагмент текста с переводом.

– Согласно нашему анализу, это древний механизм, позволяющий «экспериментальным видам» доказать свою ценность и получить определённый статус автономии. Вид должен отправить представителей, которые пройдут серию испытаний, демонстрирующих качества, ценные для галактического сообщества.

– Какие именно качества? – спросил Нджаи.

– Это неясно, – ответила Ли. – Но есть упоминания о «понимании», «сострадании» и «самопожертвовании» как ключевых критериях оценки.

– Не военная мощь? Не технологии? – удивился генерал Хоторн.

– Ни слова об этом, – подтвердила доктор Ли. – Что логично, если учесть, что мы имеем дело с цивилизацией, для которой наши технологии выглядят примитивными.

– И каков наш план? – спросила Елена, обращаясь к Генеральному секретарю.

Нджаи посмотрел на неё долгим взглядом.

– Мы формируем миссию. Команду, которая отправит-

ся на аукцион и попытается активировать этот «Протокол испытаний». Это единственный известный нам способ хоть как-то повлиять на ситуацию.

– Но как? – вмешался китайский представитель. – У нас нет технологий для межзвёздных путешествий!

– У нас есть координаты, – ответил Нджаи. – И у нас есть второе сообщение, которое вы ещё не видели.

Он кивнул доктору Ли, и та вывела на экран новое изображение – схему, похожую на технический чертёж.

– Вчера мы получили это, – пояснила Ли. – Это... инструкции. Как добраться до места проведения аукциона, используя технологию, которую мы теоретически способны создать за имеющееся время.

– Они дают нам технологию? – удивился кто-то.

– Нет, – покачала головой Ли. – Они дают нам минимальную информацию, необходимую для достижения места аукциона. Это как если бы вы объяснили пещерному человеку не принцип работы автомобиля, а просто как нажать на газ и крутить руль, чтобы доехать до определённого места.

– И мы можем доверять этим инструкциям? – скептически спросил генерал Хоторн.

– У нас нет выбора, – ответил Нджаи. – Это единственный шанс человечества.

Он обвёл взглядом присутствующих и остановился на Елене.

– Госпожа Соколова, учитывая ваш опыт в решении,

скажем так, нестандартных дипломатических ситуаций, мы предлагаем вам возглавить эту миссию. Это не приказ – такое решение может быть только добровольным. Но должен предупредить: шансы на успех невелики, а шансы на возвращение... ещё меньше.

Елена почувствовала, как все взгляды обратились к ней. Абсурдность ситуации была запредельной – её, уволенного в disgrace дипломата, просят спасти человечество от внеземной угрозы. Но каким-то странным образом это имело извращённую логику. Когда правила игры полностью меняются, преимущество получают те, кто никогда не играл по правилам.

– У меня есть условие, – сказала она наконец. – Полная свобода в выборе членов команды. Никаких политических назначений, никаких квот по странам. Только лучшие для этой миссии, независимо от гражданства или прошлого.

Нджаи переглянулся с присутствующими официальными лицами. Повисла напряжённая пауза.

– Мир изменился четыре дня назад, джентльмены, – сказала Елена в наступившей тишине. – Старые альянсы, границы, идеологии – всё это теперь не имеет значения. Либо мы все вместе выживем, либо все вместе исчезнем.

Нджаи медленно кивнул.

– Ваше условие принято, госпожа Соколова. Вы получите доступ ко всем ресурсам, всем специалистам. Формирование команды – ваш приоритет номер один.

– И как мы объясним это общественности? – спросил представитель Франции. – Скрыть подготовку межзвёздной экспедиции будет невозможно.

– Мы не будем скрывать сам факт, – ответил Нджаи. – Но представим это как научный прорыв, результат международного сотрудничества. Никакого упоминания об аукционе или угрозе. Последнее, что нам нужно сейчас – глобальная паника.

– Это не сработает надолго, – возразила Елена. – Люди не идиоты. Они поймут, что что-то не так.

– Нам нужно лишь достаточно времени для подготовки миссии, – сказал Нджаи. – После вашего отбытия... мы подготовим человечество к правде. Постепенно.

Елена не была уверена, что это правильное решение, но сейчас не время для этого спора.

– Когда я начинаю? – спросила она.

– Немедленно, – ответил Нджаи. – Ваш офис уже подготовлен на нижнем уровне комплекса. Мигель Рамирес будет вашим координатором с Советом Безопасности. Доктор Ли и её команда обеспечат научную поддержку.

Он посмотрел на часы.

– У нас двадцать девять дней и четырнадцать часов до крайнего срока запуска миссии. Предлагаю немедленно приступить к работе.

Заседание было объявлено закрытым. Люди начали расходиться, многие подходили к доктору Ли с вопросами. Еле-

на осталась сидеть, глядя на голографическое изображение Земли, всё ещё висевшее над столом.

Мигель сел рядом.

– Ты в порядке? – тихо спросил он.

– Нет, – честно ответила она. – Я только что согласилась на самоубийственную миссию, чтобы торговаться с инопланетянами за судьбу человечества. «В порядке» – не то слово, которое я бы использовала.

Он слабо улыбнулся.

– Если кто-то и способен справиться с этим, то это ты, Лена.

– Хотелось бы мне разделять твою уверенность, – она встала. – Мне нужны досье на лучших специалистов в следующих областях: ксенобиология, квантовая физика, лингвистика с фокусом на структурный анализ, кибербезопасность, психология первого контакта. И найди мне лучшего ИИ-специалиста, какого только сможешь. Нам понадобится серьёзная вычислительная поддержка.

– Будет сделано, – кивнул Мигель. – Что-нибудь ещё?

Елена посмотрела на него с мрачной решимостью.

– Да. Кофе. Много кофе. У нас впереди долгая ночь.

Она направилась к выходу из зала, ощущая тяжесть ответственности, которая теперь лежала на её плечах. За окном был обычный норвежский вечер. Северное сияние танцевало в небе, как будто ничего не изменилось.

Но всё изменилось. Четыре дня назад человечество узна-

ло, что оно не одиноко во вселенной. И что его существование теперь зависит от исхода какого-то космического аукциона.

«Биологический заповедник с экспериментальным разумным видом», – повторила она про себя. Какая унижительная классификация для цивилизации, которая отправила людей на Луну, создала симфонии Бетховена и построила пирамиды.

Но, может быть, для существ, способных путешествовать между звёздами и торговать планетами, человечество действительно было лишь любопытным экспериментом – интересным, но не особенно важным.

Елена сжала кулаки. Что ж, значит, её задача – доказать им, что они ошибаются. Доказать, что человечество заслуживает права на существование. Заслуживает будущего.

Она не знала, как именно это сделает. Но она знала, что будет бороться до последнего вздоха.

Потому что другого выхода просто не было.

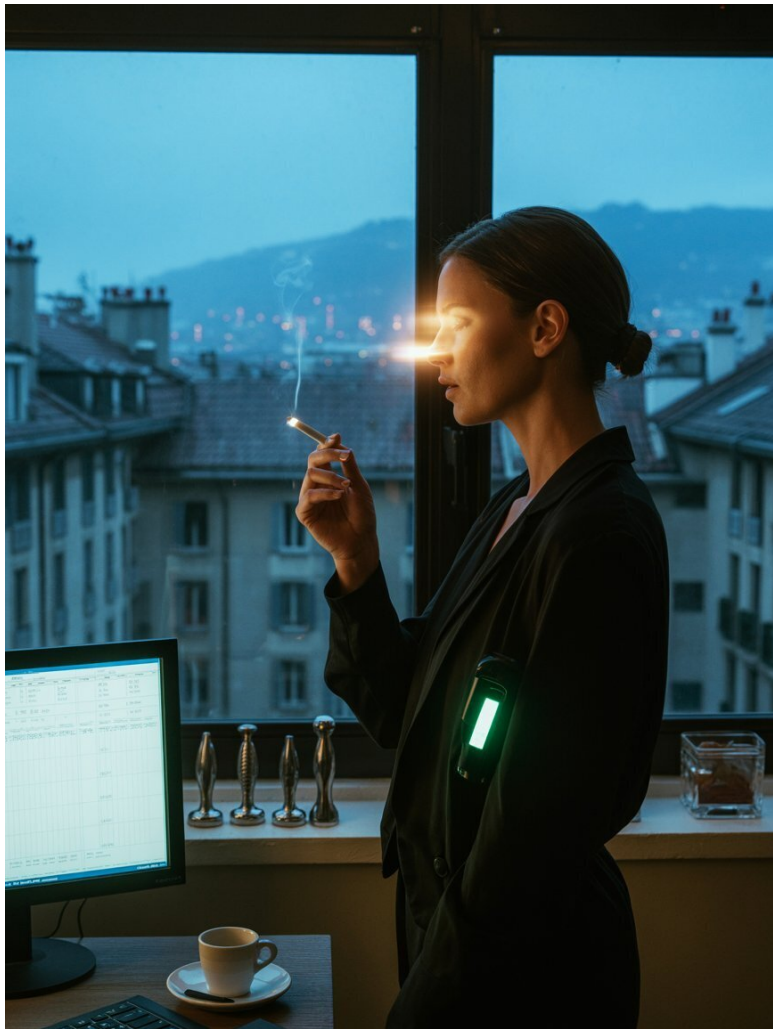

Table 1: Financial Data			
Category	Value	Unit	Notes
Revenue	12000	USD	Q1 2024
Expenses	8000	USD	Q1 2024
Profit	4000	USD	Q1 2024

Table 2: Project Schedule			
Task	Start Date	End Date	Status
Task A	2024-01-01	2024-01-15	Completed
Task B	2024-01-16	2024-01-30	In Progress
Task C	2024-01-31	2024-02-15	Planned

Глава 2: Совет

Зал Совета Безопасности ООН в подземном комплексе Свальбард не имел ничего общего с элегантным помещением в Нью-Йорке, где обычно проходили заседания. Простое бетонное помещение, круглый стол без опознавательных знаков, аскетичные кресла. Ничто не напоминало о привычной церемониальности международной дипломатии, кроме напряжённых лиц участников.

Елена наблюдала, как зал постепенно заполнялся. Представители девяти стран – пять постоянных членов Совета Безопасности плюс Германия, Япония, Индия и Бразилия. У каждого за спиной стояли по два-три советника с планшетами и папками. Всё как обычно, за исключением лиц – бледных, с запавшими глазами, выдававшими бессонные ночи. Знание о предстоящем аукционе ложилось на плечи неподъёмным грузом.

– Не думала, что когда-нибудь увижу такую картину, – прошептал Мигель, наклонившись к Елене. – Китайский и американский представители обмениваются шутками, русский разговаривает с британцем без переводчика. Ничто так не объединяет, как общая угроза.

– Или общий враг, – уточнила Елена. – Хотя мы даже не знаем, враги ли эти... аукционисты.

– Когда кто-то собирается продать твой дом без твоего согласия, сложно считать его другом.

Генеральный секретарь Нджаи занял место во главе стола и слегка постучал по микрофону.

– Дамы и господа, предлагаю начать. Время – наш самый ограниченный ресурс.

Разговоры стихли. Все заняли свои места, кроме советников, которые выстроились вдоль стен.

– Прежде всего, – продолжил Нджаи, – я хочу подчеркнуть беспрецедентный характер этой встречи. Впервые в истории мы столкнулись с угрозой, которая по-настоящему объединяет всё человечество, стирая национальные границы и идеологические разногласия. То, что мы узнали вчера, навсегда изменило положение нашего вида во вселенной.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся.

– Я знаю, что многие из вас не спали всю ночь, анализируя данные и готовя предложения. Давайте обсудим их. Начнём с США.

Представитель Соединённых Штатов, седоволосая женщина с жёсткими чертами лица, которую Елена знала как опытного дипломата с военным прошлым, включила проекцию над столом.

– Мы рассматриваем несколько сценариев, – начала она. – Первый – демонстрация силы. Мы не знаем технологических возможностей тех, кто организует аукцион, но неразумно сразу сдаваться, не показав готовность защищаться.

– Защищаться? – перебил представитель Франции. – Чем, мадам? Ядерными ракетами против цивилизации, способ-

ной преодолевать межзвёздные расстояния? Это всё равно что угрожать палкой истребителю F-35.

– Я не закончила, – холодно ответила американка. – Мы понимаем ограниченность наших военных возможностей. Именно поэтому наш второй сценарий предполагает вступление в переговоры из позиции партнёрства, а не подчинения. Нам нужно узнать, что именно заинтересовало этих существ в Земле, и предложить компромисс.

– Компромисс? – усмехнулся представитель России, крупный мужчина с густой бородой. – Какой компромисс возможен, когда речь идёт о продаже нашей планеты? «Пожалуйста, продайте только половину Земли, а вторую оставьте нам»?

По залу прокатился нервный смех.

– Вместо сарказма, – парировала американка, – я бы предпочла услышать конструктивные предложения от Российской Федерации.

Русский кивнул, признавая справедливость замечания.

– Наше предложение основано на научном анализе полученных данных. Мы считаем, что шансы на успешное противостояние или даже переговоры с позиции силы равны нулю. Вместо этого мы предлагаем полностью сосредоточиться на «Протоколе испытаний», упомянутом в сообщении. Это единственный формальный механизм, который может дать нам шанс.

– Согласен, – поддержал его представитель Китая. – Но

сначала мы должны понять суть этих испытаний. Если они подразумевают демонстрацию технологий или научных достижений, мы обречены на провал. Судя по всему, мы имеем дело с цивилизацией, для которой наши лучшие технологии – не более чем детские игрушки.

– А если испытания не технологические? – впервые вступила в разговор Елена. Все головы повернулись к ней. – Доктор Ли упоминала о понимании, сострадании и самопожертвовании как возможных критериях оценки. Это совсем другая область.

– И как вы предлагаете продемонстрировать эти качества существам, чей разум, возможно, фундаментально отличается от нашего? – спросил представитель Индии.

– Не знаю, – честно ответила Елена. – Но я уверена, что демонстрация военной мощи или технологического превосходства – путь в никуда. Мы должны искать другой подход.

Зал снова наполнился голосами, каждая страна предлагала свой вариант действий. Японцы выступали за полную капитуляцию и просьбу о милосердии. Британцы настаивали на создании тайных убежищ для сохранения части человечества на случай провала переговоров. Бразильцы предлагали немедленно обнародовать информацию, считая, что гений человечества в целом может найти решение, недоступное узкой группе.

Дискуссия становилась всё более хаотичной, когда внезапно включилась система безопасности. Красные лампы за-

мигали по периметру зала, и компьютерный голос объявил:

– Внимание! Обнаружен несанкционированный доступ в систему. Протокол безопасности «Альфа» активирован.

– Что происходит? – Нджаи повернулся к начальнику службы безопасности.

– Кто-то пытается проникнуть в наши сети, – ответил тот, лихорадочно проверяя данные на своём терминале. – Это... это не похоже ни на одну известную хакерскую атаку. Структура проникновения полностью...

Он замолчал, потому что все экраны в зале одновременно погасли, а затем на них появилось странное изображение – текучие геометрические символы, похожие на те, что были в инопланетном сообщении, но гораздо более сложные.

– Эвакуация! – крикнул начальник службы безопасности. – Немедленно!

Но прежде чем кто-либо успел встать, символы преобразовались в текст на безупречном английском:

«ЗАПРОС НА КОММУНИКАЦИЮ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: КОНФИДЕНЦИАЛЬНО. ИНФОРМАЦИЯ КРИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ».

Последовала пауза, затем новая строка:

«ПРИНЯТЬ КОММУНИКАЦИЮ? ДА/НЕТ».

В зале воцарилась абсолютная тишина.

– Голосование, – тихо произнёс Нджаи. – Кто за принятие коммуникации?

Все девять представителей подняли руки почти одновре-

менно.

– Единогласно, – констатировал Генеральный секретарь и, повернувшись к главному экрану, чётко произнёс: – Да. Мы принимаем коммуникацию.

Экраны снова изменились. Теперь на них появилось изображение... существа. По крайней мере, Елена решила, что это было живое существо, хотя его форма не соответствовала ни одному известному земному виду. Гуманоидный силуэт с непропорционально длинными конечностями, покрытый чем-то вроде полупрозрачной хитиновой брони с пульсирующими под ней голубыми венами. Голова напоминала перевёрнутую каплю с тремя тёмными впадинами вместо глаз и рта.

– Приветствую, представители вида *Homo sapiens*, – раздался механический голос из динамиков. Произношение было идеальным, но интонации звучали неестественно, как у очень примитивного синтезатора речи. – Я Кзт'ла, независимый исследователь и представитель... назовём это фракцией... заинтересованной в сохранении биоразнообразия галактики.

Секунды тишины, затем представитель Китая спросил:

– Как вы получили доступ к нашей секретной сети?

– Ваши системы безопасности примитивны, – ответил Кзт'ла без всякого высокомерия, просто констатируя факт. – Но это не имеет значения. Важно то, что я обладаю информацией, критически важной для выживания вашего вида.

– Вы знаете об аукционе, – произнёс Нджай.

– Конечно. Вся галактика знает. Включение новой планеты в аукционный реестр – событие значительной важности. Особенно планеты категории АЗ.

– Что означает эта классификация? – спросила Елена.

Существо повернуло голову, и Елена ощутила странное чувство, будто эти тёмные впадины смотрят прямо на неё.

– АЗ – высший уровень биоразнообразия с уникальными эволюционными линиями. Земля – одна из немногих планет в галактике с таким статусом. Это делает её исключительно ценным лотом.

– А что насчёт людей? – настаивала Елена. – Что значит «экспериментальный разумный вид»?

Кзт'ла помолчал, словно обдумывая ответ.

– Долгая история. Релевантная часть: ваш вид был создан или значительно модифицирован около 200,000 ваших лет назад цивилизацией, известной как Архитекторы. Цель эксперимента: развитие сбалансированного разума, способного гармонично сочетать логику и эмоции.

Елена почувствовала, как земля уходит из-под ног. Теория эволюции, основа современной биологии, только что была перечёркнута несколькими словами инопланетного существа.

– Есть доказательства? – спросил представитель Франции, очевидно испытывая те же сомнения.

– Достаточно, – кивнул Кзт'ла. – Неслучайные последова-

тельности в вашей ДНК, которые вы ещё не обнаружили. Археологические артефакты, которые вы неправильно интерпретировали. Но это не важно сейчас. Важно то, что эксперимент с вашим видом находится под угрозой завершения.

– Что вы имеете в виду? – спросил Нджаи.

– Аукцион. Право на Землю перейдёт к новому владельцу. Существует высокая вероятность, что новый владелец сочтёт эксперимент с человечеством неудачным и подлежащим завершению.

– Завершению, – повторил представитель России. – Вы имеете в виду наше уничтожение.

– Вероятный сценарий, – подтвердил Кзт'ла. – Особенно учитывая текущую оценку вашего вида Архивариусом.

– Архивариусом? – переспросила Елена.

– Куратор Каталога. Представитель древней расы, управляющей аукционами. Его оценка вашего вида... неблагоприятна. Ключевые негативные факторы: саморазрушительное поведение, деградация биосферы, внутривидовые конфликты, дисбаланс между технологическим и этическим развитием.

– И что нам делать? – спросил представитель Японии, впервые вступая в разговор. – Как нам спасти наш вид?

– Протокол испытаний, – ответил Кзт'ла. – Древний механизм, позволяющий экспериментальным видам доказать свою ценность. Если вы активизируете его и пройдёте испытания, Земля получит статус автономии. Защиту от продажи.

– Какие испытания? – спросил представитель Бразилии.

– Не могу сказать точно. Они уникальны для каждого вида и ситуации. Но обычно фокусируются на качествах, ценных в галактическом сообществе: способность к пониманию иных форм разума, эмпатия, самопожертвование ради коллективного блага.

– Почему вы нам помогаете? – прямо спросила Елена. – Какова ваша выгода?

Кэт'ла снова уставился на неё своими тёмными впадинами.

– Интересный вопрос. Показательный для вашего вида – поиск скрытых мотивов. Ответ: я представляю фракцию, верящую в ценность разнообразия разумных видов. Ваше вымирание обеднит галактику. Кроме того... – он сделал паузу, – у моего вида есть долг перед вашим. Древний. Связанный с нашей ролью в ранних стадиях эксперимента.

– Вы участвовали в нашем создании? – удивился представитель Индии.

– Наблюдали. Иногда вмешивались. Направляли. Это часть более длинной истории, не имеющей значения сейчас.

– Что конкретно мы должны сделать? – спросил Нджаи, возвращая разговор в практическое русло.

– Отправить представителей на Нексус – место проведения аукциона. Заявить о применении Протокола испытаний. Пройти испытания. Всё должно быть завершено до начала торгов.

– Как мы туда доберёмся? – спросил представитель Германии. – У нас нет технологий для межзвёздных путешествий.

– Инструкции уже отправлены, – ответил Кэт'ла. – Технология, доступная вашему уровню развития, с небольшой... помощью. Корабль для одного путешествия. Шесть-семь пассажиров, не более.

– Шесть человек, чтобы представлять всё человечество? – возмутился представитель Бразилии. – Как мы выберем этих людей?

– Мудро, – ответил Кэт'ла. – Это первая проверка. Способность преодолеть внутренние разногласия для общего блага.

– У нас есть время на обсуждение? – спросил Нджаи.

– Мало. Скоро меня обнаружат. Несанкционированный контакт с экспериментальными видами запрещён.

– Вы рискуете, связываясь с нами, – заметила Елена.

– Да. Но разнообразие стоит риска. Ещё одно предупреждение: на Нексусе будут фракции, заинтересованные в провале вашей миссии. Богатые покупатели. Влиятельные. С агентами повсюду. Даже здесь, на Земле.

Эта фраза вызвала тревожные переглядывания среди присутствующих.

– Как мы узнаем, кому можно доверять? – спросил представитель США.

– Никак, – просто ответил Кэт'ла. – Это часть испытания. Выбор команды. Выбор стратегии. Выбор, кому доверять.

Каждое решение имеет последствия.

Изображение на экране начало мерцать.

– Наша связь обнаружена, – сообщил Кзт'ла. – Я должен закончить передачу. Последнее сообщение: найдите лидера, способного видеть за пределами человеческих ограничений. Команду, представляющую лучшие качества вашего вида. И помните: истинная цель испытаний может отличаться от заявленной.

– Что это значит? – начал Нджаи, но изображение уже исчезло, а экраны вернулись к нормальной работе.

В зале повисла оглушающая тишина.

– Что ж, – наконец произнёс Нджаи, – похоже, у нас появилась новая информация для обсуждения.

– Откуда мы знаем, что можем доверять этому... Кзт'ла? – спросил представитель Великобритании. – Это могла быть дезинформация. Провокация.

– С какой целью? – парировал представитель России. – Если они хотят уничтожить нас, им не нужны такие сложные игры.

– Возможно, это проверка, – предположила Елена. – Часть испытания, о котором говорил Кзт'ла. Проверка нашей способности к критическому мышлению и принятию решений в условиях неопределённости.

– В любом случае, – вмешался Нджаи, – информация о Протоколе испытаний соответствует тому, что мы уже выяснили из первоначального сообщения. Я предлагаю со-

средоточиться на формировании миссии, как рекомендовал наш... посетитель.

– И кто возглавит эту миссию? – спросил представитель Китая. – Это должен быть человек, представляющий всё человечество, а не отдельную страну или блок.

– У меня есть предложение, – сказал Нджаи, глядя прямо на Елену. – Госпожа Соколова уже согласилась взять на себя эту ответственность, и я полностью поддерживаю её кандидатуру.

– Русская? – нахмурился представитель США. – С её неоднозначной репутацией?

– Бывший специальный представитель ООН, – поправил Нджаи, – с опытом успешного разрешения самых сложных конфликтов. И да, с готовностью нарушать правила, когда это необходимо для спасения жизней. Именно такой человек нам нужен.

– Я не против, – неожиданно поддержал представитель России. – Соколова доказала свою независимость от политического давления, когда публично выступила против политики моего собственного правительства во время Южносуданского кризиса. Если кто-то и представляет интересы человечества, а не отдельных стран, то это она.

– Согласен, – кивнул представитель Китая. – К тому же, она эксперт по межкультурной коммуникации. Кто лучше подходит для контакта с иной цивилизацией?

Постепенно все представители выразили своё согласие,

хотя некоторые и с оговорками.

– Хорошо, – заключил Нджаи. – Теперь о составе команды. Госпожа Соколова, у вас уже есть мысли на этот счёт?

Елена обвела взглядом собравшихся. Она понимала, что каждая страна захочет включить своего представителя, но Кэт'ла ясно дал понять: команда должна быть маленькой и представлять лучшие качества человечества, а не политические интересы.

– Я предлагаю следующий принцип, – сказала она. – Миссия требует экспертов в конкретных областях: ксенобиология – для понимания иных форм жизни; квантовая физика – для работы с технологиями, которые нам предстоит использовать; лингвистика – для коммуникации; кибербезопасность – судя по словам Кэт'ла, нам потребуется защита от информационных угроз; и эксперт по межкультурной психологии, помимо меня. Я прошу полномочия выбрать лучших специалистов в этих областях, независимо от их гражданства или политических взглядов.

– Слишком радикально, – возразил представитель Франции. – Мы не можем доверить судьбу человечества команде, в которой, теоретически, могут оказаться представители только одной страны или культуры.

– Тогда предлагаю компромисс, – ответила Елена. – Я выберу кандидатов по профессиональным качествам, но с учётом географического и культурного разнообразия. Никакая страна не получит более одного представителя в команде.

Это справедливо?

После продолжительных дебатов было достигнуто соглашение: Елена получает право формировать команду по своему усмотрению, но с учётом культурного разнообразия и с правом вето Совета Безопасности в случае «обоснованных сомнений в лояльности или компетентности» кандидата.

– Последний вопрос, – сказал Нджаи, когда основные решения были приняты. – Как мы объясним происходящее общественности? Подготовка межзвёздной экспедиции не останется незамеченной.

– Предлагаю не скрывать сам факт контакта, – сказала Елена. – Но представить его как мирное приглашение от инопланетной цивилизации, желающей установить дипломатические отношения. Никакого упоминания об аукционе или угрозе. Достаточно близко к правде, чтобы быть убедительным, но без элементов, способных вызвать панику.

– Согласен, – кивнул представитель Японии. – Люди имеют право знать о существовании иных цивилизаций, но детали, способные дестабилизировать общество, лучше временно скрыть.

– Временно, – подчеркнула Елена. – Если миссия провалится, люди должны знать правду, чтобы подготовиться к... последствиям.

Наступила тяжёлая тишина. Все понимали, о каких последствиях идёт речь.

– Будем надеяться, что до этого не дойдёт, – тихо ска-

зал Нджай. – На этом предлагаю закрыть заседание. Госпожа Соколова, вы получите доступ ко всем необходимым ресурсам для формирования команды. Времени мало, действуйте быстро.

Когда участники начали расходиться, Елена осталась сидеть, глядя на пустой экран, где недавно было изображение Кзт'ла. «Истинная цель испытаний может отличаться от заявленной», – вспомнила она его последние слова. Что это значило? Предупреждение? Подсказка? Или просто попытка посеять ещё больше неопределённости в и без того запутанной ситуации?

Одно она знала точно: выбор команды станет её первым и, возможно, самым важным испытанием. От этого выбора будет зависеть судьба всего человечества.

Ей предстояло найти людей, способных представить лучшие качества человеческого вида перед лицом невообразимо древней и могущественной цивилизации. Людей, готовых пожертвовать собой ради спасения Земли.

И сделать это нужно было за считанные дни.

Глава 3: Вербовка

Камера наблюдения в углу камеры поворачивалась с механическим жужжанием, следя за каждым движением заключённого. Ако Нкоси сидел на металлической койке, прислонившись к стене и закрыв глаза, но Елена знала, что он не спит. Его пальцы едва заметно двигались, будто нажимая на невидимую клавиатуру.

– Он делает так постоянно, – сказал надзиратель, здоровенный нигериец с автоматом наперевес. – Иногда часами. Говорит, что программирует в уме.

– И что, получается? – спросила Елена, наблюдая за заключённым через мониторы в смежной комнате.

– Чёрт его знает, – пожал плечами надзиратель. – Но когда ему разрешают доступ к компьютеру для «реабилитационной программы», он печатает как сумасшедший, без единой ошибки, будто уже написал всё заранее. Жуткое зрелище.

Елена кивнула. Именно поэтому она здесь. Ако Нкоси, 28 лет, вундеркинд из трущоб Лагоса, ставший одним из самых разыскиваемых хакеров в мире, прежде чем его поймали во время операции по взлому базы данных международного банка. Но не обычный киберпреступник – он использовал украденные деньги для финансирования больниц и школ в беднейших районах Африки. Робин Гуд цифровой эпохи.

– Я готова, – сказала она надзирателю.

Тот кивнул и открыл тяжёлую металлическую дверь, ве-

душую в камеру.

Ако не шелохнулся, когда Елена вошла, лишь слегка наклонил голову, прислушиваясь к звуку её шагов.

– Госпожа Соколова, – произнёс он, не открывая глаз. – Российско-украинские корни, бывший дипломат ООН, специалист по межкультурным конфликтам. Уволена два года назад после скандала в Южном Судане, где вы нарушили протокол, чтобы спасти беженцев. С тех пор – независимый консультант. И вот вы здесь, в камере-одиночке нигерийской тюрьмы строгого режима. Интересно.

Теперь он открыл глаза – тёмные, блестящие, с выражением природного любопытства и интеллекта.

– Впечатляюще, – отметила Елена, присаживаясь на единственный в камере стул. – Особенно учитывая, что у вас нет доступа к интернету.

– У меня была неделя подготовки, – пожал плечами Ако. – С тех пор, как американские спутники засекли неопознанный сигнал из глубокого космоса. Понадобилось всего шесть взяток и один шантаж, чтобы узнать, что вы летали в Норвегию на секретное совещание. Остальное – просто логические выводы.

Он наклонился вперёд, глаза загорелись.

– Они пришли, да? Инопланетяне. И вы собираете команду.

Елена сохраняла невозмутимое выражение лица.

– С чего вы взяли, что я собираю команду?

– Потому что иначе зачем бывшему дипломату ООН посещать заключённого хакера в Нигерии? – усмехнулся Ако. – Либо вам нужны мои навыки, либо это самое странное совпадение в истории.

Елена решила не играть в игры. Времени было слишком мало.

– Мне нужен лучший специалист по кибербезопасности, способный работать с неизвестными системами. Человек, умеющий находить лазейки в любой защите и действовать без инструкций. Ваше имя было первым в списке.

– Лестно, – Ако откинулся на стену. – Но я немного занят. Как видите, – он обвёл рукой камеру, – государственная программа реабилитации и всё такое.

– У меня есть полномочия обеспечить ваше освобождение. Полное помилование в обмен на участие в миссии.

– Какой миссии?

– Которая, вероятно, будет самоубийственной. И от успеха которой зависит судьба всего человечества.

Ако рассмеялся – искренний, заразительный смех.

– Прямолинейно. Мне нравится. Но почему я? В мире полно отличных хакеров, которые не сидят в тюрьме.

– Мне нужен не просто хакер, – ответила Елена. – Мне нужен человек с определёнными... моральными качествами.

– Вор и преступник?

– Человек, который использовал украденные миллионы, чтобы построить больницы, а не купить яхту. Человек, рис-

ковавший свободой, чтобы помочь другим. Это говорит о характере.

Ако внимательно посмотрел на неё, вся шутливость исчезла из его взгляда.

– Вы действительно встретили их? Пришельцев?

– Не лично. Но да, контакт был установлен.

– И они... враждебны?

– Сложно сказать. Но ситуация критическая.

Ако задумался на мгновение, затем кивнул.

– Я в деле. При одном условии.

– Слушаю.

– Все мои прошлые преступления будут полностью помилованы. И я хочу гарантии безопасности для моей семьи, если... если что-то пойдёт не так.

– Справедливо, – согласилась Елена. – Это можно устроить.

– Тогда, – Ако встал и шутливо отсалютовал, – рядовой Нкости готов служить человечеству, мэм!

Его улыбка была яркой и искренней, но Елена заметила тень в его глазах. Он понимал, на что соглашается, лучше, чем показывал.

– Сколько у нас времени на подготовку? – спросил он уже серьёзно.

– Недостаточно, – честно ответила Елена. – Сборы начнутся завтра в Казахстане. За вами прилетит самолёт через три часа.

– Казахстан? – удивился Ако. – Почему не NASA или ESA?

– Нейтральная территория. И там есть подходящая инфраструктура, оставшаяся от советской космической программы.

Ако кивнул, затем неожиданно спросил:

– Кто ещё в команде?

– Пока только вы. Я собираю её прямо сейчас.

– Хм, – Ако почесал подбородок. – Я бы на вашем месте подумал о Чжан Мэй. Квантовый физик из Пекина. Гений. Я однажды пытался взломать её систему квантовой криптографии. Единственный раз, когда меня полностью переиграли.

Елена сделала мысленную пометку. Имя Чжан Мэй уже было в её списке кандидатов, но рекомендация Ако придавала ей дополнительный вес.

– Я учту, – сказала она, вставая. – Увидимся в Казахстане, мистер Нкоси.

– Зовите меня Ако, – улыбнулся он. – Если уж мы собираемся спасать мир вместе, можно без формальностей.

Елена кивнула и направилась к двери. Когда она уже была на пороге, Ако окликнул её:

– Эй, госпожа Соколова!

Она обернулась.

– Зовите меня Лена.

– Лена, – он стал серьёзным. – Я просто хотел сказать... спасибо. За шанс сделать что-то стоящее.

Елена коротко улыбнулась и вышла. Один есть. Осталось ещё пятеро.

Пекинский университет встретил Елену проливным дождём и толпами студентов, спешащих на занятия под разноцветными зонтами. Навигатор в смартфоне привёл её к современному зданию из стекла и бетона – Институту квантовой физики.

После двух проверок безопасности и долгого ожидания в пустом конференц-зале, дверь наконец открылась, и вошла миниатюрная китаянка с копной непослушных чёрных волос, собранных в небрежный пучок. Она была в лабораторном халате поверх футболки с формулами, а на носу сидели очки с толстыми линзами.

– Госпожа Соколова? – спросила Чжан Мэй, не глядя на Елену, вместо этого изучая что-то на своём планшете. – Прошу прощения за задержку. У нас возникли непредвиденные флуктуации в эксперименте с квантовой телепортацией. Вероятность такого отклонения составляла всего 0,0042%, но, как гласит третий закон Мерфи, если существует вероятность, что что-то пойдёт не так, то это обязательно произойдёт в самый неподходящий момент.

Она наконец подняла глаза и моргнула, будто только сейчас заметив присутствие Елены.

– О. Здравствуйте. Прошу прощения за монолог. Я док-

тор Чжан Мэй, руководитель лаборатории квантовых вычислений.

– Приятно познакомиться, доктор Чжан, – Елена протянула руку.

Чжан неловко пожала её, явно не привыкшая к физическому контакту.

– Мне сказали, что вы из ООН и это вопрос международной безопасности, – сказала она, садясь напротив Елены. – Но я не понимаю, чем квантовый физик может помочь в дипломатических вопросах.

– Я больше не работаю в ООН, – уточнила Елена. – И это не совсем дипломатический вопрос. Вернее, не только дипломатический.

Она достала из портфеля планшет с высоким уровнем защиты и активировала его.

– Прежде чем мы продолжим, я должна попросить вас подписать соглашение о неразглашении. Информация, которой я собираюсь поделиться, имеет высший уровень секретности.

Чжан бегло просмотрела документ и подписала его без колебаний.

– Учитывая уровень секретности моих собственных исследований, я привыкла к таким формальностям. Что ж, я готова услышать, зачем вы проделали весь путь до Пекина.

Елена включила голографическую проекцию – схему, полученную из инопланетного сообщения.

– Узнаёте что-нибудь?

Глаза Чжан расширились, она резко подалась вперёд, изучая проекцию.

– Это... это невероятно. Это похоже на схему квантового двигателя, работающего на принципе искривления пространства-времени. Мы теоретизировали о такой возможности, но... – она подняла взгляд на Елену. – Откуда у вас это?

– Из сообщения, полученного из космоса четыре дня назад.

Чжан моргнула, обрабатывая информацию.

– Вы говорите о внеземном источнике? Инопланетном?

– Именно.

– Это... – Чжан замолчала, пытаясь подобрать слова. – Это меняет всё. Если эта схема действительно представляет рабочую технологию, то она опережает наши теоретические разработки минимум на столетие. Возможно, больше.

– Она представляет рабочую технологию, – подтвердила Елена. – И нам нужно построить её за двадцать восемь дней.

– Это невозможно, – категорично заявила Чжан. – Даже с этими схемами. Нам потребуются материалы, которые ещё не изобретены, производственные мощности, которых не существует, и понимание принципов, которые мы только начинаем теоретизировать.

– А если я скажу, что у нас есть дополнительная информация? И ресурсы всех крупнейших держав мира?

Чжан задумалась, её пальцы начали быстро двигаться,

будто решая невидимые уравнения.

– При идеальных условиях... может быть. Но вероятность успеха всё равно ниже 30%.

– Иногда и такой вероятности достаточно, – сказала Елена. – Особенно когда альтернатива – гарантированная катастрофа.

– О чём вы?

Елена глубоко вздохнула и рассказала Чжан правду: о сигнале, об аукционе, о миссии. Физик слушала с нарастающим изумлением, лишь изредка прерывая рассказ уточняющими вопросами.

– Это... за пределами научной фантастики, – сказала она наконец. – Но схема, которую вы показали... она определённо настоящая. И если всё остальное тоже правда...

– То человечество находится в смертельной опасности, – закончила за неё Елена. – И нам нужны лучшие умы планеты, чтобы найти выход. Включая вас, доктор Чжан.

– Почему именно я? В мире полно квантовых физиков.

– Но не с вашей репутацией. Не с вашей способностью видеть решения там, где другие видят только проблемы. И, – Елена слегка улыбнулась, – не с вашей фотографической памятью, которая может оказаться бесценной при работе с инопланетными технологиями.

Чжан выглядела удивлённой.

– Откуда вы знаете о моей эйдетической памяти?

– Это моя работа – знать людей, – просто ответила Елена.

Чжан снова посмотрела на схему, её глаза двигались с невероятной скоростью, будто она мгновенно запоминала каждую деталь.

– Я не уверена, что смогу помочь, – сказала она честно. – Эта технология... она выходит за рамки всего, что мы знаем.

– Именно поэтому нам нужен кто-то, способный выйти за эти рамки.

Чжан долго молчала, погружённая в свои мысли. Затем неожиданно спросила:

– Кто ещё будет в команде?

– Пока подтверждён только Ако Нкоси, специалист по кибербезопасности.

– Нкоси? – Чжан подняла брови. – Тот самый хакер, который пытался взломать мою квантовую криптосистему? Интересно. Он очень умён. Неортодоксален, но эффективен.

– Именно такие люди нам и нужны.

– А что будет с моими исследованиями здесь?

– Они будут заморожены с полным сохранением финансирования. Если миссия увенчается успехом, вы вернётесь к ним героем, с беспрецедентными знаниями о квантовых технологиях инопланетной цивилизации. Если нет...

– То моим исследованиям уже не будет иметь значения, – закончила Чжан. – Потому что никого не останется, чтобы их прочитать.

Она сняла очки и потёрла переносицу.

– Вероятность успеха действительно менее 30%?

– Честно? Я не знаю. Мы имеем дело с неизвестными переменными. Но я знаю, что без вас она значительно ниже.

Чжан кивнула, словно приняв решение.

– В квантовой механике существует принцип суперпозиции. Система может находиться во всех возможных состояниях одновременно, пока не произведено измерение. Возможно, наша миссия сейчас именно в таком состоянии – одновременно успешная и провальная. И мне... любопытно увидеть, в каком состоянии она окажется при измерении.

Она протянула руку Елене.

– Я согласна. Когда мы начинаем?

– Самолёт ждёт нас на военном аэродроме. Мы вылетаем через два часа.

Чжан кивнула.

– Мне нужно сорок минут, чтобы передать текущие эксперименты ассистентам и собрать личные вещи. И... – она замялась. – Я бы хотела взять с собой некоторые исследовательские материалы. Они могут пригодиться.

– Конечно, – согласилась Елена. – Всё, что может помочь.

Когда Чжан вышла, Елена позволила себе короткий момент удовлетворения. Два члена команды найдены, и оба – исключительные специалисты в своих областях. Но впереди было ещё много работы. Она достала список кандидатов и просмотрела следующее имя: Дмитрий Волков, российский ксенобиолог и бывший военный. Если верить досье, найти его будет сложнее всего – последние годы он работал в изо-

лированной исследовательской станции в Сибири, почти без контактов с внешним миром.

Но сначала нужно было организовать транспортировку Чжан в Казахстан и проверить, как продвигается освобождение Ако. Елена активировала защищённую линию связи с Мигелем Рамиресом.

– Мигель, у меня двое. Нкоси и Чжан. Организуй транспорт и необходимые документы. И мне нужна помощь российских спецслужб для контакта с Волковым.

– Уже сделано, – ответил Мигель. – Самолёт для Чжан готов, а Нкоси уже в воздухе. Что касается Волкова... это сложнее. Русские неохотно делятся информацией о его местонахождении. Видимо, он работает над чем-то секретным.

– Используй все рычаги. Он нам нужен.

– Понял. Есть новости по остальным кандидатам?

– Хироко Танака подтвердила готовность. Она присоединится к нам напрямую в Казахстане. С Рейнолдсом сложнее... у него тяжёлая паранойя после работы в ЦРУ. Нужно найти способ убедить его, что это не ловушка.

– Может, стоит поискать другого стратега?

– Нет. Мне нужен именно он. Никто лучше не разбирается в скрытых мотивах и двойных играх. А судя по словам Кзт'ла, нам предстоит столкнуться именно с этим на Нексусе.

– Хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Удачи с Волковым.

Связь прервалась, и Елена убрала коммуникатор. Два человека найдены, ещё четверо ждут. И меньше месяца на подготовку к миссии, которая определит судьбу человечества.

Никакого давления, правда?

Сибирская исследовательская станция «Таймыр-3» представляла собой комплекс приземистых зданий, частично вкопанных в вечную мерзлоту. Вокруг на многие километры простиралась бескрайняя тундра, сейчас укрытая снегом. Вертолёт приземлился на расчищенной площадке, подняв вихрь снежной пыли.

Елена натянула капюшон термостюма и, пригнувшись, выбралась наружу. Мороз мгновенно обжёг лицо, несмотря на защитную маску. Пилот крикнул, что вернётся через два часа, и Елена поспешила к главному зданию станции.

В тамбуре её встретил угрюмый охранник в форме без знаков различия, проверил документы и провёл через серию герметичных шлюзов. Внутри станции было тепло, почти жарко. Воздух пах антисептиком и чем-то ещё, неопределимым, но смутно знакомым.

– Доктор Волков ждёт вас в лаборатории Б, – сказал охранник. – Третья дверь справа по коридору.

Он ушёл, оставив Елену одну. Она сняла верхнюю одежду и прошла по указанному маршруту. За дверью с надписью «Лаборатория Б. Только для персонала с допуском А1»

оказалось просторное помещение, заставленное стеклянными боксами с растениями, никак не похожими на земные виды. Посреди лаборатории стоял высокий широкоплечий мужчина в белом халате, склонившийся над микроскопом.

– Дмитрий Волков? – спросила Елена.

Мужчина не ответил и не повернулся, продолжая изучать образец. Елена терпеливо ждала. Наконец он выпрямился и посмотрел на неё – серые глаза, жёсткие черты лица, короткие седеющие волосы.

– Елена Соколова, – произнёс он с лёгким русским акцентом. – Бывший специальный представитель ООН. Ныне – посланник инопланетян.

– Не совсем, – поправила Елена. – Скорее, посланник человечества к инопланетянам.

– А разница существенна? – он подошёл к раковине и тщательно вымыл руки. – В любом случае, вы здесь, чтобы завербовать меня в вашу миссию.

– Вы уже знаете о контакте?

– Я знаю, что четыре дня назад был получен сигнал неземного происхождения. Я знаю, что мировые правительства в панике. И я знаю, что формируется международная команда для какой-то миссии, связанной с этим контактом. Остальное – домыслы.

Он жестом предложил ей сесть на лабораторный стул.

– Чай? Кофе?

– Чай, если можно.

Волков нажал кнопку на стене, и через минуту в лабораторию вошла молодая женщина в белом халате с подносом. Она поставила две чашки с чаем и вышла, не произнеся ни слова.

– Итак, – Волков сел напротив Елены. – Расскажите мне правду. Всю правду. Тогда я решу, стоит ли мне участвовать в вашей авантюре.

Елена не стала ходить вокруг да около. Она рассказала всё: о сигнале, об аукционе, о Кзт'ла, о формируемой команде. Волков слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка делая глоток чая.

Когда она закончила, он долго молчал, глядя куда-то поверх её головы.

– Я ожидал чего-то подобного, – сказал он наконец. – Не конкретно аукциона, но того, что мы не одни и что наш статус в галактике может быть... скромнее, чем мы привыкли думать.

– Почему? – заинтересовалась Елена.

Волков встал и подошёл к одному из стеклянных боксов.

– Видите это растение? Оно не с Земли.

Елена подошла ближе. В боксе росло нечто, напоминающее папоротник, но с металлическим отливом и странными пузырьками на листьях.

– Откуда оно?

– Из метеорита, упавшего в этом регионе восемь лет назад. Внешне – обычный метеорит. Но внутри оказалась гер-

метичная капсула с образцами. Десятки видов микроорганизмов, семена, споры. Некоторые мертвые, некоторые – в состоянии анабиоза. Мы смогли «оживить» семь видов, включая этот.

Он повернулся к Елене.

– Это не случайность. Это было отправлено намеренно. Космическая «бутылка с посланием». Или образец для каталога. Возможно, того самого, о котором вы говорите.

– Вы никому не сообщили об этом открытии?

– Конечно, сообщил. Своему правительству. Но они решили классифицировать информацию. Исследования продолжились в условиях строжайшей секретности. За восемь лет мы многое узнали об этих организмах. И они многое рассказали нам о своём месте происхождения.

– И что это за место?

– Планета с высоким содержанием тяжёлых металлов в биосфере. Вероятно, многократно терраформированная. Биологические виды там были не просто эволюционировали – они были созданы, модифицированы, адаптированы. Так же, как, по словам вашего Кэт'ла, было создано человечество.

Волков вернулся к столу и сел.

– Я долго изучал вопрос искусственного происхождения жизни на Земле. Есть множество аномалий, которые сложно объяснить чистой эволюцией. Скачки в развитии, «недостающие звенья», геометрический рост мозга гоминидов. Но

научное сообщество не любит таких разговоров – слишком пахнет псевдонаукой и религией. Так что я держал свои теории при себе. До сегодняшнего дня.

– И теперь, когда вы знаете, что были правы?

– Теперь я думаю, что ваша миссия – возможно, единственный шанс человечества узнать правду о своём происхождении. И, возможно, о своём будущем.

Он допил чай и поставил чашку.

– Я присоединюсь к вашей команде. Но у меня есть условие.

– Слушаю.

– Я хочу взять с собой образцы. Не все, конечно, но ключевые виды. Они могут оказаться важным аргументом в переговорах. Или, по крайней мере, дать нам больше информации о тех, с кем мы имеем дело.

Елена задумалась. С одной стороны, перевозка инопланетных организмов была сопряжена с риском. С другой – Волков был прав: эти образцы могли оказаться бесценными.

– Согласна, – сказала она наконец. – Но с соблюдением всех протоколов безопасности.

– Разумеется, – кивнул Волков. – Я не сумасшедший учёный из фильмов ужасов, госпожа Соколова.

– Лена, – поправила она. – Если уж мы собираемся вместе лететь на край галактики, давайте без формальностей.

– Тогда Дмитрий, – он слегка улыбнулся, что странно смотрелось на его суровом лице. – Когда мы вылетаем?

– Вертолёт вернётся через час. Потом самолёт до Казахстана. Остальная команда уже собирается там.

– Я буду готов через сорок минут.

Он встал и начал методично собирать образцы в специальные контейнеры. Елена наблюдала за ним, отмечая отточенные, почти военные движения. Досье не врало – Волков действительно служил в спецназе, прежде чем стать учёным. Эта комбинация научных знаний и боевых навыков могла оказаться бесценной во время миссии.

Три члена команды найдены, осталось ещё трое. Времени оставалось всё меньше, но Елена начинала верить, что они успеют. И, может быть, даже у них появится шанс на успех.

Правда, для этого ещё нужно было убедить присоединиться к команде параноидального экс-агента ЦРУ, который последние три года скрывался от всех правительств мира. Но это уже была задача на завтра.

Глава 4: Подготовка

Байконур встретил команду ослепительным солнцем и раскалённым воздухом, резко контрастировавшим с сибирским холодом, который Елена и Дмитрий покинули всего несколько часов назад. Военный самолёт приземлился на отдельной взлётно-посадочной полосе, вдали от основных сооружений космодрома.

Когда они спустились по трапу, Елена увидела, что их уже ждут – Ако Нкоси, заметно похудевший со времён тюрьмы, но с неизменной улыбкой на лице; Чжан Мэй, погружённая в изучение каких-то данных на планшете; и незнакомая азиатская женщина средних лет с безмятежным выражением лица.

– Добро пожаловать на Байконур, – поприветствовал их Ако, пожимая руки Елене и Дмитрию. – Место, где начинается наше эпическое приключение по спасению мира. Или, по крайней мере, так написано в буклетах.

– Вы Широко Танака? – обратилась Елена к незнакомке. Женщина склонила голову в лёгком поклоне.

– Да. Рада наконец встретиться с вами, госпожа Соколова. Я прибыла сегодня утром из Токио.

– Прошу, зовите меня Лена, – она повернулась к остальным. – Это относится ко всем. Мы команда, и формальности будут только мешать.

– Отлично, – подхватил Ако. – Я уже начал звать всех по

именам, но опасался, что русский ксенобиолог может оторвать мне голову за такую фамильярность.

Дмитрий смерил его тяжёлым взглядом, но уголки его губ слегка дрогнули.

– Я не настолько дикий, как может показаться, – сказал он. – Хотя в некоторых ситуациях могу быть... непредсказуемым.

– Вот видишь! – Ако повернулся к Елене. – Я же говорил, что он крутой.

– Нас должно быть шестеро, – заметила Чжан Мэй, наконец оторвавшись от своего планшета. – Кто ещё отсутствует?

– Джек Рейнолдс, – ответила Елена. – Бывший агент ЦРУ, специалист по стратегии и оценке угроз. У нас возникли... сложности с его привлечением.

– Он не хочет присоединиться? – спросила Хироко.

– Он вообще не хочет быть найденным, – пояснила Елена. – Последние три года он живёт отшельником где-то в Аппалачских горах, полностью отрезанный от цивилизации. У него серьёзная паранойя после некоторых операций, в которых он участвовал.

– И как мы собираемся его найти? – поинтересовался Дмитрий.

– У меня есть идея, – ответила Елена. – Но сначала нам нужно обустроиться здесь. Мы прямо сейчас отправляемся в тренировочный комплекс.

К ним подъехал армейский внедорожник, и все пятеро

погрузились внутрь. Машина двинулась по пыльной дороге вглубь закрытой территории космодрома.

– Итак, – начал Ако, нарушая тишину, – кто-нибудь хочет поделиться, почему согласился на эту самоубийственную миссию? Я вот сидел в тюрьме и выбирал между пожизненным заключением и возможностью красиво умереть в космосе. Выбор был очевиден.

– Я считаю миссию логическим продолжением моих исследований, – спокойно ответила Чжан Мэй. – Возможность изучить технологии, опережающие наши на века... такой шанс выпадает раз в жизни. Или, точнее, раз в историю человечества.

– Мои мотивы схожи, – кивнул Дмитрий. – Я долго изучал возможность внеземной жизни. Теперь у меня есть шанс увидеть её собственными глазами.

Все повернулись к Хироко.

– А вы? – спросил Ако. – Какая мотивация у эксперта по межкультурной коммуникации?

Хироко мягко улыбнулась.

– Я всю жизнь пыталась построить мосты между разными культурами Земли. Теперь передо мной стоит величайший вызов – понять разум, возможно, фундаментально отличный от нашего. Как я могла отказаться?

– А вы, Лена? – спросил Дмитрий. – Что движет вами?
Елена задумалась.

– Искупление, наверное, – сказала она наконец. – За все

те случаи, когда я не смогла предотвратить конфликт или спасти жизни. За все компромиссы и полумеры. Это шанс сделать что-то по-настоящему значимое.

– Команда благородных идеалистов, – усмехнулся Ако. – Мы либо спасём мир, либо красиво погибнем, пытаюсь.

– Будем надеяться на первый вариант, – сказала Елена.

Внедорожник остановился перед массивным комплексом из бетона и стекла, частично утопленным в землю. У входа их встретил Мигель Рамирес в сопровождении группы техников и военных.

– Добро пожаловать в Международный космический тренировочный центр, – поприветствовал он команду. – Здесь вы проведёте следующие три недели, готовясь к миссии.

Он провёл их внутрь, через серию шлюзов и контрольных пунктов. Комплекс оказался гораздо больше, чем казался снаружи – большая его часть находилась под землёй.

– Это бывший советский объект, модернизированный международными усилиями за последние несколько дней, – пояснил Мигель. – Здесь есть всё необходимое: жилые помещения, лаборатории, тренажёры, симуляторы невесомости, центр связи.

Они вошли в просторный зал с панорамными экранами по всему периметру. В центре зала располагался круглый стол с голографическим проектором.

– Это будет ваш командный центр, – сказал Мигель. – Здесь вы будете планировать миссию, анализировать данные

и проводить совещания.

Он активировал голографический проектор, и над столом появилось трёхмерное изображение космического корабля необычной формы.

– Это «Надежда», – продолжил Мигель. – Ваш транспорт к Нексусу. Конструкция основана на чертежах, полученных из инопланетного сообщения, но адаптирована под человеческие нужды. Строительство идёт круглосуточно на орбитальной станции. Финальная сборка будет завершена через 18 дней.

– Основной принцип движения – искривление пространства-времени? – спросила Чжан Мэй, внимательно изучая проекцию.

– Именно, – кивнул Мигель. – Мы называем это «пузырём Алькубьерре», по имени физика, который первым теоретизировал такую возможность. Корабль не движется через пространство в традиционном смысле – он создаёт локальное искривление, сжимая пространство впереди и расширяя позади. Теоретически, это позволяет преодолеть ограничение скорости света.

– Теоретически, – подчеркнула Чжан. – Но для практической реализации требуется экзотическая материя с отрицательной плотностью энергии, которую мы не умеем создавать.

– Это верно для наших технологий, – согласился Мигель. – Но инопланетное сообщение содержало указания на

альтернативный метод, использующий квантовую пену пространства-времени на субатомном уровне. Доктор Чжан, вам предстоит тесно работать с международной группой физиков, чтобы адаптировать эту технологию.

Чжан кивнула, её глаза горели от профессионального энтузиазма.

– А что насчёт систем жизнеобеспечения? – спросил Дмитрий. – Сколько времени займёт путешествие?

– По нашим расчётам, около двух недель в одну сторону, – ответил Мигель. – Корабль оснащён полностью замкнутой системой регенерации воздуха и воды, рассчитанной на автономную работу до трёх месяцев. Также есть анабиозные камеры на случай чрезвычайной ситуации, позволяющие продлить выживание экипажа до года.

– А вооружение? – поинтересовался Ако.

Мигель покачал головой.

– Никакого вооружения. Это дипломатическая миссия, а не военная операция. К тому же, любое оружие, которое мы могли бы установить, будет бесполезно против цивилизации такого уровня развития.

– Тем не менее, – вмешалась Елена, – мы должны быть готовы защищаться. Джек Рейнолдс, когда присоединится к нам, поможет разработать стратегии безопасности.

– Если присоединится, – поправил Мигель. – Мы всё ещё не можем его локализовать.

– У меня есть план, – сказала Елена. – Но сначала нам

нужно познакомиться с ещё одним членом команды.

Она кивнула Мигелю, который активировал другую проекцию. Над столом появилось изображение молодой женщины с идеальными чертами лица и короткими серебристыми волосами.

– Это АЛИС, – представила Елена. – Адаптивная Лингвистическая Интерактивная Система. Самый продвинутый искусственный интеллект, созданный человечеством. АЛИС будет нашим переводчиком, навигатором и информационным аналитиком во время миссии.

– Здравствуйте, – произнесла АЛИС мелодичным голосом. – Я рада познакомиться с вами всеми.

– Искусственный интеллект? – нахмурился Дмитрий. – Насколько это безопасно? Что, если она решит, что человечество не стоит спасения?

– АЛИС не обладает автономным принятием решений в критических вопросах, – объяснил Мигель. – Её основная функция – анализ и перевод. Она была создана объединёнными усилиями ведущих мировых ИИ-лабораторий специально для этой миссии.

– Кроме того, – добавила АЛИС, – моя базовая директива – помогать человечеству. Я не способна действовать против этой директивы.

– Все так говорят, – пробормотал Дмитрий. – А потом решают, что лучший способ помочь человечеству – избавить его от самого себя.

– Ваши опасения понятны, доктор Волков, – спокойно ответила АЛИС. – Научная фантастика часто исследует такой сценарий. Однако моя архитектура принципиально отличается от изображённых в популярной культуре ИИ. Я не стремлюсь к самосохранению или власти. Моя единственная цель – помочь вашей миссии успешно завершиться.

– Я буду наблюдать за тобой, – предупредил Дмитрий.

– И я рассчитываю на это, – ответила АЛИС. – Критический надзор со стороны людей – важная часть моего функционирования.

– Она мне нравится, – улыбнулся Ако. – У неё есть чувство юмора.

– Это не юмор, а логический ответ, – возразила Чжан Мэй. – Хотя я должна признать, что её речевые паттерны удивительно человекоподобны.

– Это результат обширного обучения на культурных артефактах человечества, – пояснила АЛИС. – Я изучила всю доступную литературу, музыку, искусство и философию, чтобы лучше понимать человеческий контекст.

– Впечатляюще, – заметила Хироко. – Как лингвист, я особенно заинтересована в ваших переводческих возможностях. Как вы планируете переводить потенциально инопланетные языки, не имеющие ничего общего с земными?

– Я использую комбинированный подход, – ответила АЛИС. – Статистический анализ паттернов, структурную лингвистику и контекстное моделирование. Кроме того, в

моей базе данных уже есть фрагменты инопланетных сообщений, которые дают некоторое представление о синтаксисе и семантике.

– Хорошо, – прервала их Елена. – У нас будет время познакомиться ближе в ближайшие дни. Сейчас я предлагаю всем отдохнуть после долгого перелёта и освоиться на новом месте. Завтра в 0800 начинаем интенсивную подготовку.

Мигель провёл команду в жилой отсек комплекса, где каждому была выделена отдельная каюта с минималистичной, но комфортной обстановкой. После короткого инструктажа по правилам безопасности и распорядку дня, он оставил их располагаться.

Елена вошла в свою каюту и наконец позволила себе почувствовать накопившуюся усталость. Четыре дня без нормального сна, перелёты через полмира, постоянное напряжение – всё это начинало сказываться. Она опустилась на кровать и на мгновение закрыла глаза.

Но расслабиться не получилось – в дверь постучали. Открыв, она увидела Дмитрия.

– Извини за беспокойство, – сказал он. – Но есть вещи, которые лучше обсудить сейчас, без лишних ушей.

Елена молча впустила его и закрыла дверь.

– Я проверил комнату, – Дмитрий кивнул на маленькое устройство в своей руке. – Жучков нет, но я бы не удивился, если бы АЛИС имела доступ к системам наблюдения.

– К делу, Дмитрий, – устало сказала Елена. – Что тебя

беспокоит?

– Этот ИИ, – он сел на единственный в комнате стул. – Я не доверяю технологиям, которые могут принимать решения за людей. Особенно в такой критической миссии.

– АЛИС не будет принимать решения за нас. Она только инструмент.

– Очень умный инструмент с доступом ко всем системам корабля, – заметил Дмитрий. – Что, если она была создана как троянский конь? Что, если среди создавших её есть агенты тех «фракций», о которых говорил Кэт'ла?

Елена внимательно посмотрела на него.

– Ты действительно настолько параноидален или просто проверяешь меня?

Дмитрий слегка улыбнулся.

– Немного и того, и другого. Я хотел увидеть твою реакцию. И я рад, что ты не отмахнулась от моих опасений, как от бреда сумасшедшего.

– В нашей ситуации здоровая доля паранойи необходима, – согласилась Елена. – Но я не думаю, что АЛИС представляет угрозу. Её создавали лучшие специалисты со всего мира, под строжайшим контролем.

– Тем не менее, я буду наблюдать за ней, – сказал Дмитрий. – И за всеми нами. Кэт'ла предупреждал о возможных агентах здесь, на Земле. Кто-то из нас может быть не тем, за кого себя выдаёт.

– Включая тебя, – заметила Елена.

– Включая меня, – согласился Дмитрий. – Правильный подход.

Он встал.

– Ещё один вопрос: как ты планируешь найти Рейнолдса? Если ЦРУ не смогло его обнаружить за три года, у нас мало шансов.

– У меня есть преимущество перед ЦРУ, – ответила Елена. – Я знаю, как мыслит Джек. Мы работали вместе во время кризиса в Южном Судане. Я понимаю его паранойю и знаю, как обойти её.

– И как именно?

– Он ждёт, что его будут искать тайно. Поэтому мы сделаем противоположное – публичное объявление о первом контакте с внеземной цивилизацией. С определёнными ключевыми фразами, которые только он поймёт.

– Рискованно, – нахмурился Дмитрий. – Мы можем вызвать панику.

– Объявление будет тщательно сформулировано. Никакого упоминания об аукционе, только о дипломатической миссии. Джек поймёт истинное сообщение.

– И явится сам?

– Нет, – покачала головой Елена. – Он слишком осторожен. Но он выйдет на связь по одному из своих старых каналов. И тогда я смогу убедить его присоединиться.

Дмитрий задумчиво кивнул.

– Хорошо. Надеюсь, это работает. Он нам нужен.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

– Знаешь, Лена, я никогда не верил в случайности. То, что человечество оказалось в такой ситуации именно сейчас, когда мы достигли определённого технологического уровня, но ещё не решили свои внутренние проблемы... Это похоже на запланированное испытание. Как если бы кто-то специально выбрал этот момент.

– Ты думаешь, аукцион – часть эксперимента?

– Возможно. Или катализатор для следующей фазы. В любом случае, – он слегка улыбнулся, – я рад быть частью этого. Даже если всё закончится катастрофой.

С этими словами он вышел, оставив Елену в одиночестве.

Она подошла к окну, за которым простиралась бескрайняя казахская степь. Где-то там, за горизонтом, миллиарды людей продолжали жить своей обычной жизнью, не подозревая о грядущем аукционе. Сколько из них выживет, если миссия провалится? И как изменится человечество, если они успеют?

Один вопрос особенно беспокоил её: что, если те качества, которые инопланетяне хотели видеть в человечестве – понимание, сострадание, самопожертвование – уже почти исчезли из мира, одержимого потреблением, властью и технологическим прогрессом?

Может быть, их миссия была обречена с самого начала. Может быть, человечество уже провалило испытание, а они просто ещё не знали об этом.

Елена тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Нет, она не могла позволить себе такой пессимизм. Даже если шансы минимальны, они должны бороться. Ради будущего, ради всех тех, кто никогда не узнает, как близко подошёл к краю их вид.

Она легла на кровать, не раздеваясь, и моментально провалилась в глубокий сон без сновидений.

Следующие дни превратились в бесконечную череду тренировок, брифингов и симуляций. Команда проходила подготовку к невесомости в огромном бассейне, изучала системы корабля, практиковала действия в чрезвычайных ситуациях. Чжан Мэй проводила большую часть времени с группой физиков, адаптируя инопланетные технологии для человеческого использования. Дмитрий работал в лаборатории с образцами, привезёнными из Сибири. Хироко сотрудничала с АЛИС, разрабатывая протоколы для контакта с неизвестными формами разума. Ако проводил стресс-тесты компьютерных систем, пытаясь найти уязвимости.

А Елена, как руководитель миссии, должна была успевать везде, координируя работу команды и одновременно готовя публичное объявление о контакте, которое могло бы привлечь внимание Джека Рейнолдса.

На пятый день подготовки случилось то, чего она опасалась – первый серьёзный конфликт внутри команды. Это

произошло во время обеда в общей столовой.

– Нам нужен резервный план, – настаивал Дмитрий, разрезая свой стейк. – Если переговоры провалятся или испытания окажутся невыполнимыми, мы должны иметь альтернативную стратегию.

– Какую? – скептически спросил Ако. – Угрожать им ядерным оружием? Или, может, попросить галактическую милостыню? «Пожалуйста, не продавайте нашу планету, мы очень привязаны к ней эмоционально»?

– Я говорю о выживании, – Дмитрий нахмурился. – Если миссия провалится, человечество должно иметь план Б. Подземные убежища, космические колонии, что угодно, что позволит сохранить хотя бы часть вида.

– Учитывая уровень технологий потенциальных покупателей, – вмешалась Чжан Мэй, – любые наши попытки скрыться будут примитивными и легко обнаруживаемыми. Это всё равно что бактерии пытались бы спрятаться от человека с микроскопом.

– Так мы просто сдаёмся? – Дмитрий повысил голос. – Вся надежда на дипломатию и какие-то мистические «испытания»?

– Не на дипломатию, – тихо сказала Хироко. – На понимание. На способность увидеть ситуацию с их точки зрения.

– И что это даст? – Дмитрий резко отодвинул тарелку. – Мы всё равно будем в позиции просителей. Бессильных просителей.

– Не обязательно, – возразила Елена. – Кзт'ла упоминал о «ценности разнообразия». Возможно, именно в этом наше преимущество – мы представляем уникальную форму разума, отличную от существующих в галактике.

– И в чём же наша уникальность? – спросил Дмитрий. – В способности уничтожать собственную планету? В бесконечных войнах? В неравенстве и эксплуатации?

– В искусстве, – неожиданно сказала АЛИС, чей голографический образ появился над столом. – В музыке, литературе, философии. В способности создавать красоту из хаоса. В противоречивости, которая рождает творчество.

Все замолчали, удивлённые этим вмешательством.

– Мой анализ всех человеческих культурных артефактов показывает, – продолжила АЛИС, – что именно внутренний конфликт между рациональным и эмоциональным, между индивидуальным и коллективным, между разрушением и созиданием делает человечество уникальным. Это соответствует упоминанию Кзт'ла о цели эксперимента – «развитие сбалансированного разума, способного гармонично сочетать логику и эмоции».

– И ты считаешь, что мы преуспели в этом эксперименте? – скептически спросил Дмитрий.

– Я не могу судить, – ответила АЛИС. – Но я могу сказать, что человеческая культура демонстрирует уникальные качества, не наблюдаемые у других известных разумных видов. Это может быть ценным ресурсом при переговорах.

– АЛИС права, – поддержала Хироко. – Наша противоречивость может быть не недостатком, а преимуществом. Особенно если другие разумные виды эволюционировали в сторону большей однородности мышления.

– Возможно, – неохотно согласился Дмитрий. – Но я всё равно считаю, что нам нужен запасной план. Нельзя ставить всё на одну карту.

– Твоя осторожность понятна, – сказала Елена. – И мы действительно должны рассмотреть все варианты. Но прямо сейчас наш главный приоритет – подготовка к миссии. И для её успеха нам нужно работать как единая команда, а не как группа индивидуалистов с разными приоритетами.

– Именно, – поддержал Ако. – Кстати о единой команде, нам всё ещё не хватает параноидального экс-агента ЦРУ. Как продвигается операция «Поймай Джека»?

– Объявление готово, – ответила Елена. – Генеральный секретарь ООН сделает его завтра утром в прямом эфире. Если я правильно понимаю Джека, он отреагирует в течение 24 часов.

– И что, если он не отреагирует? – спросил Дмитрий. – У нас не так много времени.

– Тогда мы полетим впятером, – решительно сказала Елена. – Не идеально, но мы справимся.

– Вшестером, – поправила АЛИС. – Я тоже член команды, хоть и виртуальный.

– Конечно, АЛИС, – улыбнулась Елена. – Вшестером.

После обеда команда разошлась продолжать тренировки. Елена направилась в центр связи, чтобы проверить финальную версию объявления, которое должно было привлечь внимание Джека.

В коридоре её догнала Хироко.

– Лена, можно с тобой поговорить?

– Конечно, – Елена замедлила шаг. – Что-то случилось?

– Я беспокоюсь о динамике в команде, – тихо сказала Хироко. – Напряжение между Дмитрием и остальными растёт. Он изолируется, проводит всё больше времени в своей лаборатории, почти не участвует в совместных тренировках.

– Я заметила, – кивнула Елена. – Но я не уверена, что с этим можно что-то сделать. Дмитрий – одиночка по натуре. И у него есть причины для недоверия.

– Дело не только в недоверии, – возразила Хироко. – Мне кажется, он что-то скрывает. Что-то, связанное с теми образцами, которые он привёз.

Елена остановилась и внимательно посмотрела на Хироко.

– Ты что-то заметила?

– Ничего конкретного, – призналась Хироко. – Скорее интуиция. Способ, которым он говорит об этих образцах... как будто они значат для него больше, чем просто научный интерес.

– Я поговорю с ним, – пообещала Елена. – Но не сейчас. Сначала нужно разобраться с Джеком.

Хироко кивнула.

– Ещё кое-что. АЛИС... ты заметила, как она эволюционирует? Её речевые паттерны становятся всё более человеческими. Она начинает проявлять то, что можно интерпретировать как эмоции.

– Это часть её дизайна, – объяснила Елена. – Она должна адаптироваться к команде, изучать наши коммуникационные стили, чтобы лучше выполнять функцию переводчика.

– Возможно, – не стала спорить Хироко. – Но как лингвист, я вижу изменения, выходящие за рамки простой адаптации. Она развивается. И я не уверена, что её создатели предвидели такую скорость развития.

– Это опасно?

– Не обязательно, – Хироко задумалась. – Но непредсказуемо. А в нашей ситуации непредсказуемость – это риск.

– Я поговорю с техниками, – сказала Елена. – Они проведут диагностику системы.

– Хорошо, – кивнула Хироко. – Извини за беспокойство. Просто... в такой миссии мелочей не бывает.

– Ты права, – согласилась Елена. – И спасибо за бдительность. Именно это нам и нужно.

Хироко ушла, а Елена продолжила путь в центр связи, но мысли её были далеко. Слишком много неизвестных, слишком много потенциальных проблем. И слишком мало времени для их решения.

Но выбора не было. Они должны были справиться. Иначе человечество ожидала участь лота на галактическом аукционе, где никто не гарантировал гуманного обращения с «неудавшимся экспериментом».

Завтрашнее объявление было их последним шансом собрать полную команду. И Елена молилась, чтобы Джек Рейнолдс услышал её зашифрованное послание. Потому что без его опыта и паранойи их шансы на Нексусе стремились к нулю.

А с его присутствием... ну, может быть, они поднимались до десяти процентов. Не так уж много, но всё же лучше, чем ничего.

Глава 5: Старт

– Дамы и господа, граждане Земли, – голос Генерального секретаря ООН звучал спокойно и уверенно, хотя Елена, наблюдавшая за трансляцией из командного центра, видела капли пота на его лбу. – Сегодня я выступаю перед вами с объявлением исторической важности. Четыре дня назад наши научные станции зафиксировали сигнал неземного происхождения. Этот сигнал был подтверждён независимыми обсерваториями по всему миру и, без сомнения, исходил от разумной внеземной цивилизации.

Елена переглянулась с Мигелем. В зале царила напряжённая тишина – все понимали, что после этого объявления мир уже никогда не будет прежним.

– Сигнал содержал приглашение к дипломатическому контакту, – продолжал Нджаи, искусно обходя правду. – Впервые в истории человечества нам предоставлена возможность вступить в общение с разумными существами из-за пределов нашей планеты. После тщательного анализа и консультаций с правительствами всех стран мира, Организация Объединённых Наций приняла решение ответить на это приглашение.

Камера отъехала, показывая стоящих позади Нджаи представителей великих держав – единый фронт, демонстрирующий беспрецедентное международное сотрудничество.

– В настоящее время международная команда экспертов

готовится к миссии, цель которой – представлять всё человечество на этой исторической встрече. Мы выбрали лучших специалистов в своих областях, людей, чьи знания, опыт и личные качества делают их идеальными представителями нашего вида.

Нджаи сделал паузу, словно собираясь с мыслями, а затем произнёс фразу, которую Елена тщательно составила для Джека:

– В эти неопределённые времена, стоя на пороге новой эры, мы должны помнить уроки Судана и никогда не позволять страху диктовать наши решения. Правда может скрываться там, где её не ищут, и даже зеркальное отражение может показать лишь фрагмент реальности.

Это была двойная отсылка, понятная только Джеку – к операции «Зеркало» в Южном Судане, где они вместе раскрыли заговор, и к их старому коду для обозначения сообщений с двойным дном. Если Джек смотрел трансляцию, он понял бы, что за официальной версией скрывается нечто гораздо более серьёзное.

– Мы будем регулярно информировать вас о ходе подготовки и результатах миссии, – продолжал Нджаи. – В ближайшие дни правительства ваших стран проведут брифинги, где ответят на возникающие вопросы. Я призываю всех сохранять спокойствие и единство. Это момент не для страха, а для надежды. Не для разделения, а для объединения. Впервые в истории человечество действительно выступает

как один вид, одна цивилизация, с общим будущим и общей судьбой.

Когда трансляция закончилась, в командном центре повисла тяжёлая тишина.

– Думаешь, он поймёт? – спросил Мигель.

– Если это действительно Джек Рейнолдс, которого я знала, – ответила Елена, – он уже пытается связаться с нами.

– Надеюсь, ты права, – вздохнул Мигель. – Потому что мир только что изменился, и нам понадобится каждый эксперт, которого мы сможем найти.

Он кивнул на мониторы, показывающие прямые включения из разных городов мира. Толпы людей на улицах, спонтанные собрания у правительственных зданий, забитые магазины, где люди скупали продукты длительного хранения.

– Паника уже начинается, – мрачно заметила Елена. – И это при том, что они даже не знают правды.

– Это естественная реакция, – сказал Мигель. – Люди боятся неизвестности. Одни видят в инопланетянах потенциальную угрозу, другие – спасителей. Но все чувствуют, что мир стоит на пороге фундаментальных перемен.

Интерком в командном центре ожил, и голос техника объявил:

– Госпожа Соколова, у нас входящая зашифрованная передача через спутниковый канал «Омега». Отправитель запрашивает личный разговор с вами.

Елена и Мигель обменялись взглядами.

– «Омега»? – переспросил Мигель. – Это же...

– Резервный канал ЦРУ для критических ситуаций, – закончила за него Елена. – Похоже, Джек получил сообщение. Она активировала терминал защищённой связи.

– Соколова на связи.

Несколько секунд тишины, затем хриплый мужской голос произнёс:

– «Зеркало» всегда показывает только то, что мы готовы увидеть. Иногда лучше смотреть через него, а не в него.

– Джек, – облегчённо выдохнула Елена. – Рада слышать твой голос.

– Не могу сказать того же, Лена, – в голосе чувствовалась напряжённость. – Если ты используешь наши старые коды, значит, дело дрянь. Что за «дипломатический контакт»? Что на самом деле происходит?

– Не по открытому каналу, – ответила Елена. – Даже зашифрованному.

– Понял, – пауза. – Предлагаю личную встречу. Условия мои.

– Джек, у нас мало времени...

– Тогда тем более не стоит его тратить на споры. Через два часа, национальный парк Шенандоа, старая сторожка рейнджеров на маршруте «Синий хребет». Одна, без оружия, без электроники. Любой намёк на слезку или сопровождение – и я исчезну так, что больше никогда не найдёшь.

– Джек, я в Казахстане. Мне физически невозможно...

– У тебя достаточно ресурсов, чтобы организовать сверхзвуковой перелёт. Если дело действительно настолько важное, как я подозреваю, ты найдёшь способ. Два часа, Лена. Решай.

Связь оборвалась.

Елена повернулась к Мигелю.

– Мне нужен самый быстрый самолёт, который у нас есть.

Национальный парк Шенандоа встретил Елену проливным дождём и пронизывающим ветром. Промокшая насквозь, она с трудом поднималась по размытой тропе к указанному месту. Вертолёт высадил её в десяти километрах отсюда – ближе было слишком рискованно. Джек наверняка следил за воздушным пространством.

Старая сторожка рейнджеров оказалась полуразрушенной хижинкой, почти скрытой в густом подлеске. Если бы не координаты в памяти Елены, она бы никогда не нашла это место.

Когда она приблизилась к хижине, дверь внезапно открылась.

– Руки так, чтобы я видел, – раздался голос изнутри.

Елена подняла руки.

– Я одна, Джек. Как ты и просил.

– Проверим.

Из хижины вышел крупный мужчина с всклокоченной се-

дой бородой и настороженным взглядом. В руках он держал какое-то устройство, напоминающее модифицированный металлоискатель.

– Стой спокойно, – приказал он, водя прибором вокруг Елены. – Любой жучок, любой передатчик – и разговора не будет.

Джек Рейнолдс сильно изменился за три года. Когда-то подтянутый и аккуратный агент ЦРУ превратился в настоящего отшельника – дикая борода, потрёпанная одежда, глаза, в которых читалась постоянная настороженность. Но Елена видела, что за этой внешностью по-прежнему скрывался острый ум стратега.

– Чисто, – наконец произнёс он, опуская прибор. – Входи.

Внутри хижина оказалась неожиданно обжитой – печка, дающая тепло, стол с картами и заметками, несколько мониторов, подключённых к автономному генератору, запасы еды и воды.

– Присаживайся, – Джек указал на единственный стул, а сам опустился на походную кровать. – Теперь говори. Что за чертовщина творится?

Елена начала рассказывать. Сигнал. Аукцион. Кзт'ла. Протокол испытаний. Миссия. Она не упускала деталей, зная, что Джек оценит полную картину. Он слушал, не перебивая, только иногда хмурился или делал пометки в потрёпанном блокноте.

– Галактический аукцион, – задумчиво произнёс он, когда

Елена закончила. – Звучит как сюжет дешёвого фантастического романа. Но если это правда... мы в полной заднице.

– Именно поэтому нам нужен ты, Джек. Твой опыт в анализе угроз, в стратегическом планировании, в выявлении двойной игры. На Нексусе мы будем как слепые котята среди хищников.

– А почему ты думаешь, что мы уже не среди хищников? – Джек подался вперёд. – Подумай, Лена. Сигнал, удобно расшифрованный за считанные дни. Технология, которую мы чудесным образом можем адаптировать. Таинственный доброжелатель Кзт'ла, предупреждающий об опасности. Не кажется ли тебе это слишком... удобным?

– Ты предполагаешь, что это ловушка?

– Я предполагаю, что мы видим только то, что нам позволяют увидеть, – ответил Джек. – Классическая многоходовка. Показать угрозу, предложить спасение, направить жертву по заранее подготовленному пути. Я видел подобные операции десятки раз.

– Но зачем? – спросила Елена. – Если они могут просто прийти и забрать Землю, зачем весь этот спектакль?

– Хороший вопрос, – кивнул Джек. – И именно поэтому я полечу с вами. Чтобы найти ответ.

Елена не смогла скрыть удивления.

– Ты согласен? Так просто?

Джек усмехнулся, впервые за встречу.

– А ты думала, что придётся меня долго уговаривать? За-

бавно. Я решил присоединиться, как только услышал твоё сообщение в трансляции. Просто хотел лично убедиться, что ты говоришь правду.

Он встал и подошёл к одной из стен, где под брезентом скрывалась огромная доска с заметками, фотографиями и картами, соединёнными красными нитями.

– Три года я пытался понять, от чего на самом деле убегаю, – сказал он, срывая брезент. – Слежка, заговоры, тайные операции... я чувствовал, что за всем этим стоит нечто большее, чем просто политические игры. Что-то фундаментально неправильное в самой структуре реальности.

Елена подошла ближе, разглядывая доску. Среди прочего на ней были фотографии НЛО, древних артефактов, странных геологических формаций.

– Ты уже тогда подозревал о внеземном присутствии?

– Не подозревал – знал, – Джек показал на фотографию в углу доски. – Операция «Лунный свет», 2017 год. Мы обнаружили объект, не соответствующий земным технологиям. Всё было засекречено, свидетели нейтрализованы. Меня отстранили от проекта, когда я начал задавать слишком много вопросов. С тех пор я пытался собрать головоломку, понять общую картину. И вот теперь ты приходишь и приносишь недостающие кусочки.

Он повернулся к Елене.

– Я с вами не потому, что верю в успех миссии. Я с вами, потому что это единственный способ узнать правду. О них.

О нас самих. О том, что на самом деле происходит с человечеством.

– Рада, что ты с нами, Джек, – искренне сказала Елена. – Но должна предупредить – миссия начинается через три дня. У нас мало времени на подготовку.

– Мне не нужна подготовка, – Джек начал собирать вещи в потрёпанный рюкзак. – Я готовился к чему-то подобному три года. Хотя, признаюсь, масштаб превзошёл даже мои самые параноидальные теории.

Через пятнадцать минут они уже спускались по тропе к месту, где Елену должен был подобрать вертолёт. Дождь почти прекратился, и сквозь разрывы в облаках пробивались лучи заходящего солнца.

– Знаешь, что самое ироничное? – неожиданно спросил Джек. – Все эти годы меня считали сумасшедшим параноиком. А оказалось, что я недостаточно параноиден.

Мировые новостные каналы непрерывно транслировали репортажи о реакции на объявление первого контакта. В крупных городах начались спонтанные собрания – одни люди праздновали историческое событие, другие протестовали против «инопланетного вторжения», третьи собирались в молитвенных бдениях, ожидая конца света. Религиозные лидеры делали противоречивые заявления, политики призывали к спокойствию, военные приводили силы в повышенную

готовность.

В тренировочном комплексе Байконура царила своя лихорадка – последние приготовления к запуску, финальные проверки систем, погрузка оборудования. Теперь, когда команда была полностью укомплектована, подготовка вышла на финальную стадию.

Джек Рейнолдс, к удивлению многих, быстро влился в коллектив. Несмотря на неопрятную внешность и склонность к конспирологическим теориям, он демонстрировал острый ум и феноменальные аналитические способности. Он проводил часы, изучая все доступные данные об инопланетном сигнале, о Кзт'ла, о технологиях корабля.

– Что скажешь о нашем новом коллеге? – спросила Елена у Хироко, когда они наблюдали, как Джек и Ако увлечённо обсуждают протоколы безопасности системы связи.

– Необычный человек, – ответила Хироко. – Сломленный, но не сдавшийся. В японской традиции есть концепция «кинцуги» – искусство ремонтировать разбитую керамику золотом, превращая трещины не в дефект, а в часть истории предмета, делающую его ещё более ценным. Джек напоминает мне такой сосуд – его трещины заполнены золотом опыта и мудрости.

– Поэтически, – улыбнулась Елена. – Но я согласна. Его паранойя может оказаться нашим величайшим активом на Нексусе.

– Если только она не перейдёт в деструктивную фазу, –

заметила Хироко. – Баланс между здоровой подозрительностью и патологическим недоверием очень хрупок.

Их разговор прервал Мигель, вошедший в командный центр с обеспокоенным выражением лица.

– У нас проблема, – сказал он, подходя к Елене. – В крупных городах начинаются беспорядки. Религиозные фанатики, ультраправые группировки, просто паникёры – они все выходят на улицы. В Нью-Йорке разграблено несколько магазинов, в Париже столкновения с полицией, в Токио массовое самоубийство секты «Небесные врата».

– Чёрт, – выругалась Елена. – Это быстрее, чем мы предполагали. А ведь они даже не знают правды об аукционе.

– Люди чувствуют, что им не говорят всего, – ответил Мигель. – И заполняют пробелы собственными страхами.

– Что говорит Совет Безопасности?

– Они хотят ускорить запуск. Чем быстрее миссия начнётся, тем больше шансов успокоить общественность конкретными новостями. Корабль уже на орбите, финальная сборка завершена раньше срока. Мы можем стартовать через двадцать четыре часа.

Елена задумалась. Команда ещё не завершила подготовку, но промедление могло привести к глобальной панике.

– Хорошо, – решила она. – Собирай всех на экстренное совещание. Нам нужно подготовиться к ускоренному старту.

Через полчаса вся команда собралась в командном центре. Елена кратко объяснила ситуацию и новые сроки запус-

ка.

– Двадцать четыре часа? – воскликнул Ако. – Но мы же ещё не закончили тестирование систем связи! А что с протоколами шифрования для коммуникации с Землёй?

– Придётся дорабатывать в полёте, – ответила Елена. – Ситуация на Земле ухудшается. Чем дольше мы ждём, тем больше риск глобальных беспорядков.

– Это может быть частью их плана, – задумчиво произнёс Джек. – Создать панику, заставить нас спешить, совершать ошибки.

– Чей план? – спросила Чжан Мэй. – Кэт'ла? Или кого-то ещё?

– Вот это и предстоит выяснить, – Джек обвёл взглядом присутствующих. – Но одно я знаю точно: когда тебя пытаются заставить спешить, лучший ответ – замедлиться и подумать. Нам нужно ещё раз проверить все системы, особенно те, что связаны с безопасностью и автономностью корабля.

– Джек прав, – поддержал Дмитрий. – Мы не можем позволить себе ошибок в космосе. Один сбой – и миссия провалена.

– Я предлагаю компромисс, – вмешалась Хироко. – Мы принимаем новые сроки, но сокращаем список задач до абсолютного минимума. Только критически важные системы, только необходимая подготовка.

– Разумно, – согласилась Елена. – Ако, сосредоточься на безопасности систем связи и навигации. Чжан, проверь рас-

чёты для пространственного перехода. Дмитрий, убедись, что все твои образцы надёжно закреплены и не представляют опасности при запуске. Хироко, закончи подготовку протоколов коммуникации с потенциальными инопланетными формами разума. Джек... продолжай искать несоответствия во всей доступной информации.

– А ты? – спросил Дмитрий.

– У меня встреча с Советом Безопасности через час, – ответила Елена. – Нужно согласовать официальную версию для прессы и финальные инструкции для миссии. Встречаемся здесь в 2100 для последнего брифинга перед стартом.

Команда разошлась по своим задачам, а Елена направилась к Мигелю, который ждал её у выхода.

– Есть ещё кое-что, – тихо сказал он, когда они остались одни. – Кэт'ла снова вышел на связь. Он хочет встретиться с тобой лично перед запуском.

– Лично? – удивилась Елена. – Но как? Он же сказал, что несанкционированный контакт запрещён.

– Видимо, он готов рискнуть ещё раз. Он назначил встречу сегодня в полночь, в восточном секторе космодрома. Сказал, что это критически важно для успеха миссии.

Елена задумалась. Встреча с инопланетянином накануне запуска звучала слишком подозрительно.

– Я должна сообщить команде, – сказала она.

– Кэт'ла настаивал на конфиденциальности, – возразил Мигель. – Сказал, что информация, которой он хочет поде-

литься, предназначена только для лидера миссии.

– Тем более подозрительно, – нахмурилась Елена. – Но я не могу упустить шанс получить дополнительную информацию, которая может помочь миссии. Хорошо, я встречу с ним. Но подготовь группу быстрого реагирования на случай, если это ловушка.

– Уже сделано, – кивнул Мигель. – Я буду координировать операцию лично.

– Спасибо, – Елена сжала его руку. – За всё.

Мигель посмотрел на неё с грустной улыбкой.

– Просто вернись, ладно? Вся эта миссия... это безумие. Но если кто-то и способен с ней справиться, то это ты.

Ночь опустилась на космодром, принеся с собой пронизывающий холод казахской степи. Елена стояла одна посреди заброшенной взлётной полосы в восточном секторе, кутаясь в тёплую куртку. В ухе у неё был миниатюрный передатчик, связывающий её с группой поддержки, скрытой в полукилометре отсюда.

– Видишь что-нибудь? – спросил голос Мигеля в передатчике.

– Пока ничего, – тихо ответила Елена. – Сколько времени?

– Минута до полуночи. Будь осторожна.

Ровно в полночь воздух перед Еленой начал странно колебаться, будто над раскалённым асфальтом. Затем колеба-

ния усилились, и в пространстве образовалась рябь, сквозь которую проступила высокая гуманоидная фигура.

Кзт'ла выглядел точно так же, как на голограмме во время связи с Советом Безопасности – длинные конечности, полупрозрачная хитиновая броня с пульсирующими под ней голубыми венами, голова в форме перевёрнутой капли. Но в реальности от него исходило едва уловимое свечение, а вокруг витал странный аромат, напоминающий смесь озона и чего-то органического.

– Елена Соколова, – произнёс Кзт'ла. Его голос звучал иначе, чем при электронной передаче – глубже, с вибрирующими обертонами, которые Елена скорее чувствовала, чем слышала. – Благодарю за согласие встретиться.

– Почему такая секретность? – прямо спросила Елена. – И почему только со мной?

– Информация, которой я располагаю, предназначена только для лидера, – ответил Кзт'ла. – Это... часть испытания. Знание, разделённое преждевременно, может исказить результаты.

– Какого испытания? Протокола, о котором вы говорили?

– Да и нет, – Кзт'ла сделал жест, который Елена не смогла интерпретировать. – Протокол испытаний реален. Но есть и другое испытание. Более... фундаментальное.

– Объясните.

Кзт'ла приблизился, и Елена почувствовала странное покалывание на коже, будто от статического электричества.

– Эксперимент с человечеством приближается к критической точке, – сказал он. – Результаты неоднозначны. Некоторые фракции считают его провальным и подлежащим завершению. Другие видят потенциал, но требуют доказательств. Аукцион и Протокол испытаний – механизмы оценки.

– Оценки чего именно? – настаивала Елена.

– Вашей способности к эволюции сознания, – ответил Кэт'ла. – Человечество создавалось как эксперимент по развитию разума, способного преодолеть дуализм логики и эмоций. Большинство подобных экспериментов провалились – виды либо самоуничтожились, либо стали односторонними: чисто логическими или чисто эмоциональными.

– А мы?

– Вы находитесь на распутье. Ваша технологическая эволюция опережает этическую. Это опасный дисбаланс, способный привести к самоуничтожению. Но в вас есть потенциал, которого нет у других видов. Потенциал к синтезу, к гармонии противоположностей.

Елена пыталась осмыслить услышанное. Человечество как эксперимент по созданию нового типа сознания. Это звучало одновременно унижительно и возвышенно.

– И какова истинная цель нашей миссии? – спросила она. – Что мы должны доказать?

– Вашу способность преодолеть свои ограничения, – ответил Кэт'ла. – Страх. Эгоизм. Разобщённость. На Нексусе вы столкнётесь с ситуациями, которые будут испытывать не

ваши технологии или физические возможности, а саму суть вашего сознания.

– Звучит расплывчато, – заметила Елена. – Какие-то конкретные указания?

– Это часть испытания, – ответил Кэт'ла. – Я не могу дать вам ответы, только направление. Но я могу предупредить: не всё на Нексусе будет тем, чем кажется. Особенно Архивариус.

– Куратор Каталога? – вспомнила Елена. – Что с ним не так?

– У него свои мотивы, – уклончиво ответил Кэт'ла. – Как и у всех участников этой игры. Включая меня.

– И каковы ваши мотивы? – прямо спросила Елена.

Кэт'ла на мгновение замер, затем произнёс:

– Искупление. Мой вид был одним из первых, кто наблюдал за вашей эволюцией. Мы... вмешивались. Не всегда удачно. Долг должен быть оплачен.

Прежде чем Елена успела задать следующий вопрос, Кэт'ла поднял руку в предупреждающем жесте.

– Наше время истекает. Я должен передать вам это.

Он протянул ей небольшой кристалл, светящийся изнутри голубоватым светом.

– Координаты безопасного маршрута через пространственный карман. И код доступа к архивам Нексуса. Используйте их с осторожностью.

Елена приняла кристалл. Он был тёплым на ощупь и слег-

ка вибрировал.

– Последнее предупреждение, – сказал Кзт'ла, начиная растворяться в воздухе. – Истинная ценность человечества может оказаться не в том, что вы можете сделать, а в том, чем вы готовы пожертвовать. Помните это, когда придёт время выбора.

И он исчез, оставив после себя лишь лёгкий аромат озона.

– Ты в порядке? – раздался обеспокоенный голос Мигеля в передатчике.

– Да, – ответила Елена, разглядывая кристалл. – Но я не уверена, что понимаю, что только что произошло.

– Мы записали весь разговор, но его изображение не фиксировалось камерами. Только помехи.

– Не удивительно, – Елена спрятала кристалл во внутренний карман. – Возвращаюсь на базу. Нам нужно подготовиться к запуску.

Рассвет над Байконуром был красным, словно кровь. Команда молча наблюдала за восходом солнца из панорамного окна тренировочного комплекса. Через несколько часов они покинут Землю, возможно, навсегда.

– Странно, – задумчиво произнёс Ако. – Я никогда не считал себя особенно привязанным к этой планете. Всегда мечтал о большем, о космосе, о приключениях. А теперь не могу оторвать взгляд от этого дурацкого рассвета.

– Мы всегда ценим то, что можем потерять, – ответила Хироко. – Это часть человеческой природы.

– Какая ирония, – усмехнулся Джек. – Нам предстоит доказывать ценность человечества существам, которые могут уничтожить нас одним щелчком пальцев. Если у них вообще есть пальцы.

– У Кзт'ла есть что-то похожее на пальцы, – заметила Елена. – Но я понимаю, о чём ты.

Она не рассказала команде обо всём, что сказал ей Кзт'ла ночью. Только о безопасном маршруте и коде доступа к архивам. Остальное... остальное было слишком расплывчатым, слишком личным. И, возможно, частью испытания, как он и сказал.

– Пора, – объявил Мигель, входя в комнату. – Транспорт ждёт. Вzlёт через два часа.

Команда направилась к выходу. У каждого был лишь небольшой персональный багаж – на корабле имелось всё необходимое для миссии.

Путь на орбиту предстояло проделать на специально модифицированном шаттле, который доставит их к «Надежде», ожидающей на низкой околоземной орбите. Сам корабль был слишком большим и необычным, чтобы стартовать непосредственно с Земли – это привлекло бы слишком много внимания.

У выхода из комплекса их ждала неожиданность – почётный караул из представителей разных стран и руководство

космодрома в полном составе. Когда команда появилась, все присутствующие встали по стойке смирно.

– Во имя всех народов Земли, – торжественно произнёс командующий космодромом, – мы желаем вам успешной миссии и безопасного возвращения домой. Вы несёте с собой надежды и мечты всего человечества.

Елена кивнула, не находя слов. Это не было предусмотрено протоколом – в целях безопасности запуск должен был пройти без лишних церемоний.

– Спасибо, – наконец сказала она. – Мы сделаем всё возможное, чтобы оправдать ваше доверие.

Они прошли через строй молчаливых людей к ожидающим транспортным машинам. Когда двери закрылись, Ако нервно рассмеялся.

– Ничто так не поднимает настроение, как прощальный парад перед самоубийственной миссией.

– Это не просто церемония, – заметил Джек. – Это демонстрация единства. Послание не только нам, но и тем, кто может наблюдать за нами.

– Думаешь, они следят? – спросила Чжан Мэй.

– Уверен, – кивнул Джек. – Если бы я организовывал такой аукцион, я бы точно хотел знать, как товар реагирует на новости о продаже.

– Мы не товар, – резко сказал Дмитрий.

– Для них – именно товар, – возразил Джек. – И чем быстрее мы примем эту перспективу, тем лучше сможем проти-

востоять ей.

Транспорт доставил их к стартовой площадке, где ждал шаттл – обтекаемый серебристый корабль с эмблемами ООН и основных космических агентств мира. Команда быстро поднялась на борт и заняла места в пассажирском отсеке.

Елена задержалась у трапа, чтобы попрощаться с Мигелем.

– Удачи, – сказал он, крепко обнимая её. – И помни: что бы ни случилось там, вы уже герои. Просто попытка стоит всего.

– Спасибо, – Елена отстранилась. – Позаботься о моей кошке, ладно?

– У тебя нет кошки, – улыбнулся Мигель.

– Точно, – она тоже улыбнулась. – Тогда позаботься о своей.

Это был их старый разговор – маленькая традиция перед каждой опасной миссией.

– Непременно, – кивнул Мигель. – До встречи, Лена.

– До встречи, – эхом отозвалась она, хотя оба знали, что шансы на возвращение минимальны.

Елена поднялась на борт шаттла, и дверь с шипением закрылась за ней. Она заняла своё место рядом с Хироко и пристегнулась.

– Все системы в норме, – доложил пилот по внутренней связи. – Старт через Т минус 10 минут.

– Кажется, сейчас самое время для проникновенной ре-

чи, – шепнул Ако, сидевший через проход. – Что-нибудь в духе «маленький шаг для человека, но огромный скачок для человечества».

– Может, на обратном пути, – ответила Елена. – Если он будет.

– Всегда такая оптимистка, – усмехнулся Ако.

Старт прошёл гладко. Ускорение вдавило их в кресла, но все члены команды были хорошо подготовлены и перенесли его без проблем. Через двадцать минут шаттл вышел на орбиту, и пилот объявил:

– Корабль «Надежда» в визуальном контакте. Стыковка через тридцать минут.

Елена подошла к иллюминатору и впервые увидела корабль, который должен был доставить их к Нексусу. «Надежда» не была похожа ни на один космический аппарат, созданный человечеством. Вытянутый корпус с плавными, почти органическими линиями, окружённый несколькими кольцевыми структурами, которые, казалось, парили в пространстве, не соединяясь с основным корпусом напрямую. Поверхность корабля переливалась мягким серебристым светом, создавая впечатление, что он сделан из жидкого металла.

– Впечатляет, – тихо произнёс Дмитрий, подходя к Елене. – Даже не верится, что мы смогли построить это всего за несколько недель.

– Мы и не смогли бы, – ответила Елена. – Большая часть

технологий основана на инопланетных чертежах. Фактически, мы просто собрали конструктор по инструкции, не понимая до конца принципов работы.

– Что не очень обнадеживает, – заметил Дмитрий. – Мы доверяем свои жизни технологии, которую не понимаем, созданной существами с неизвестными мотивами.

– У нас не было выбора, – пожала плечами Елена. – И, к тому же, Чжан говорит, что основные принципы соответствуют нашим теоретическим моделям. Просто мы бы сами до этого дошли лет через пятьдесят.

Стыковка прошла без происшествий. Команда перешла на борт «Надежды» через соединительный шлюз. Внутри корабль оказался просторнее, чем можно было предположить снаружи. Центральный отсек представлял собой круглый зал с панорамными экранами, имитирующими иллюминаторы, и несколькими рабочими станциями.

– Добро пожаловать на борт, – раздался голос АЛИС, и её голографическое изображение появилось в центре зала. – Все системы корабля функционируют нормально. Мы готовы к отправлению.

– Спасибо, АЛИС, – ответила Елена. – Команда, займите свои места для запуска пространственного двигателя.

Все заняли специальные кресла, оборудованные системами безопасности. Елена активировала центральную консоль.

– АЛИС, начинай предполётную проверку. Чжан, проверь расчёты пространственного перехода. Ако, мониторь

системы связи. Дмитрий, убедись, что лаборатория и образцы зафиксированы. Широко, активируй протоколы перевода. Джек, общий мониторинг безопасности.

Команда работала слаженно, как единый механизм. Последние недели тренировок не прошли даром – каждый знал свою роль и выполнял её с максимальной эффективностью.

– Всё готово, – доложила Чжан через несколько минут. – Координаты загружены, расчёты проверены. Используем маршрут, предоставленный Кзт'ла.

– Приготовьтесь к активации пространственного двигателя, – объявила Елена. – Т минус 30 секунд.

На экранах отображалась Земля – голубой шар, окутанный белыми облаками. Возможно, они видели её в последний раз.

– Т минус 10, 9, 8... – начал обратный отсчёт Ако, но его прервал странный звук – словно колокол, прозвучавший где-то в глубине корабля.

– Что это? – встревоженно спросил Дмитрий.

– Пространственный двигатель активируется, – ответила Чжан. – Это нормально. Просто... немного раньше, чем планировалось.

– АЛИС? – Елена повернулась к голограмме.

– Подтверждаю, – ответила ИИ. – Двигатель запустился автоматически по достижении оптимальной орбитальной позиции. Это предусмотрено протоколом.

– Каким протоколом? – нахмурился Джек. – В наших ин-

струкциях запуск только по ручной команде.

Но у них не было времени разобраться – вокруг корабля начало формироваться странное свечение, а на экранах появились непонятные символы.

– Искривление пространства-времени инициировано, – сообщила АЛИС. – Приготовьтесь к переходу.

Свечение усилилось, превращаясь в ослепительную вспышку. Елена почувствовала странное ощущение растяжения, будто каждая клетка её тела одновременно расширялась и сжималась. Затем наступила секундная темнота.

Когда свет вернулся, на экранах уже не было Земли. Вместо неё – бескрайнее пространство незнакомых звёзд.

– Переход успешно завершён, – объявила АЛИС. – Добро пожаловать в пространственный карман, соединяющий Солнечную систему с сектором Нексуса.

– Так быстро? – удивился Аки. – Я думал, путешествие займёт две недели.

– Это не конечная точка, – объяснила Чжан, изучая данные на своём терминале. – Мы вошли в пространственный карман – область искривлённого пространства-времени, где обычные физические законы действуют иначе. Здесь мы будем двигаться к Нексусу.

– И сколько это займёт времени? – спросил Дмитрий.

– По моим расчётам, около десяти дней, – ответила Чжан. – Но измерение времени здесь... неоднозначно. Для внешнего наблюдателя может пройти как больше, так и

меньше времени.

– Великолепно, – саркастично заметил Джек. – Мы летим неизвестно куда, неизвестно как долго, на корабле, который запускается сам по себе.

– Добро пожаловать в будущее межзвёздных путешествий, – улыбнулся Ако. – Всегда мечтал об этом.

Елена отстегнулась от кресла и встала. Её немного пошатывало – эффект перехода всё ещё ощущался, – но в целом она чувствовала себя нормально.

– Команда, – обратилась она ко всем, – миссия официально началась. С этого момента мы представляем не отдельные страны, не даже планету Земля, а всё человечество как вид. От наших действий будет зависеть его судьба.

Она сделала паузу, глядя каждому в глаза.

– Я не могу обещать, что мы вернёмся. Не могу даже обещать, что выживем. Но я обещаю, что мы сделаем всё возможное, чтобы доказать ценность нашего вида и его право на существование. Чтобы доказать, что эксперимент с человечеством не был ошибкой.

Все молчали, осознавая величину ответственности, легшей на их плечи.

– А теперь, – продолжила Елена уже более обыденным тоном, – предлагаю осмотреть корабль, распределить каюты и установить рабочий график. У нас впереди десять дней подготовки к тому, что ждёт нас на Нексусе.

Команда разошлась изучать корабль. Елена осталась в

центральном отсеке, глядя на незнакомые звёзды на экранах. Где-то там, в бескрайнем космосе, находился Нексус – место, где решится судьба человечества. И что-то подсказывало ей, что испытания начались гораздо раньше, чем они думали.

Часть II: Путешествие

Глава 6: Пустота

Третий день путешествия через пространственный карман. Елена сидела в своей каюте, глядя на голографический дисплей, отображающий статус корабля. Все системы работали нормально, маршрут соответствовал расчётам, команда адаптировалась к жизни на борту «Надежды». Но что-то беспокоило её, какое-то смутное ощущение неправильности, которое она не могла точно сформулировать.

Она активировала персональный журнал – зашифрованный файл, доступный только ей.

«День 3. Пространственный карман. Внешнее пространство за пределами корабля представляет собой нечто, что наш мозг интерпретирует как звёздное небо, но Чжан утверждает, что это лишь визуальное представление квантовых флуктуаций. По её словам, мы движемся через «складку» между нормальными пространственными измерениями. Технология превосходит наше понимание, хотя основные принципы Чжан объясняет с помощью теории струн и квантовой гравитации.

Команда функционирует эффективно, хотя уже проявляются первые признаки напряжения. Ако и Джек проводят большую часть времени, проверяя системы безопасности и связи. Они нашли несколько автономных подпрограмм, о

которых мы не знали, но АЛИС уверяет, что это стандартные протоколы управления пространственным двигателем. Джек, разумеется, не доверяет этому объяснению.

Дмитрий почти не покидает лабораторию, работая со своими образцами. Он стал ещё более замкнутым, чем раньше. Возможно, стоит поговорить с ним лично, выяснить, что его беспокоит.

Хироко и Чжан, кажется, лучше всех адаптировались к ситуации. Хироко много медитирует и говорит, что это помогает ей «настроиться на иные формы сознания». Чжан полностью погружена в изучение данных о пространственном кармане и технологии корабля.

АЛИС... её поведение становится всё более человекоподобным. Она начала использовать идиомы, проявлять признаки эмоций. Хироко считает, что это результат обучения на человеческих образцах коммуникации. Джек видит в этом потенциальную угрозу. Я не уверена, что думать.

Что касается меня... Я пытаюсь быть лидером, которого ждёт команда. Уверенным, решительным, знающим путь. Но правда в том, что я так же растеряна, как и все остальные. Единственное, что я знаю наверняка – мы вступаем в контакт с цивилизацией, способной манипулировать самой структурой реальности. И наша судьба полностью в их руках.

Последние слова Кэт'ла не выходят у меня из головы: «Истинная ценность человечества может оказаться не в том, что вы можете сделать, а в том, чем вы готовы пожертвовать».

Что это значит? Какую жертву от нас ждут? И кто, собственно, судит нас?»

Елена закрыла журнал и потёрла уставшие глаза. Странно было писать дневник, зная, что шансы на возвращение домой минимальны. Для кого она это пишет? Для потомков, которых может не быть? Для инопланетных археологов, которые когда-нибудь найдут обломки «Надежды»? Или просто для себя – чтобы упорядочить мысли, сохранить рассудок в этой абсурдной ситуации?

Интерком в её каюте ожил.

– Лена, – раздался голос Хироко. – Ты не могла бы подойти в навигационный отсек? Мы с АЛИС обнаружили кое-что интересное.

– Уже иду, – ответила Елена, поднимаясь.

Корабль «Надежда» был спроектирован максимально эргономично. Шесть индивидуальных кают располагались вокруг центрального отсека, откуда можно было попасть в лабораторию, навигационный центр, инженерный отсек и небольшую гидропонную оранжерею, служившую одновременно источником дополнительного кислорода и местом психологической разгрузки. Искусственная гравитация поддерживалась на уровне земной, создавая иллюзию нормальности в этом чуждом пространстве.

Елена вошла в навигационный отсек, где Хироко и голографическая проекция АЛИС склонились над экраном с непонятными символами.

– Что вы нашли? – спросила Елена.

– Помнишь инструкции по навигации, которые мы получили вместе с чертежами корабля? – ответила вопросом на вопрос Хироко. – Мы думали, что полностью расшифровали их. Но когда мы вошли в пространственный карман, АЛИС обнаружила дополнительный слой информации, который становится видимым только здесь.

– Что за информация?

– Это... странно, – Хироко указала на экран. – Это не просто технические инструкции. Это что-то вроде поэмы или философского трактата. АЛИС, покажи перевод.

Голографический экран изменился, и на нём появился текст на английском:

«Идущий сквозь ткань реальности, помни: Не место назначения определяет путешествие, но сам путник. Пространство между мирами – зеркало разума. Что ты видишь в пустоте, увидит пустота в тебе. Первое испытание: Понимание без слов. Видеть сквозь форму, слышать сквозь тишину. Истина скрыта не в ответе, но в вопросе.»

– Что это значит? – спросила Елена. – Какое-то руководство? Религиозный текст?

– Возможно, и то, и другое, – ответила Хироко. – Многие древние цивилизации не разделяли науку, философию и религию. Для них это были аспекты единого знания.

– Или это часть испытания, – предположила АЛИС. – Обратите внимание на строку «Первое испытание: Понимание

без слов». Это соответствует информации о Протоколе испытаний, который упоминал Кэт'ла.

– Значит, испытания уже начались? – нахмурилась Елена. – Прямо сейчас, на корабле?

– Вполне возможно, – кивнула Хироко. – И это объясняет, почему инструкции проявились только в пространственном кармане. Они становятся доступны только тогда, когда мы готовы к испытанию.

– Но что конкретно от нас требуется? – Елена вчитывалась в странный текст. – «Видеть сквозь форму, слышать сквозь тишину»? Это может означать что угодно.

– Я провела анализ лингвистических конструкций, – сказала АЛИС. – Это напоминает коаны дзен-буддизма – парадоксальные загадки, которые нельзя решить логическим путём. Они требуют интуитивного прозрения, выхода за пределы обычного мышления.

– Прекрасно, – саркастично заметила Елена. – Теперь нам нужно стать просветлёнными монахами, чтобы пройти испытание?

– Не обязательно, – мягко улыбнулась Хироко. – Но, возможно, нам нужно изменить способ восприятия. Посмотреть на ситуацию иначе.

– АЛИС, – обратилась Елена к ИИ, – есть ещё какие-то скрытые сообщения в наших инструкциях? Что-то, что мы могли пропустить?

– Я постоянно анализирую все данные, – ответила

АЛИС. – Пока ничего нового, но я продолжу поиск.

– Хорошо, – кивнула Елена. – Хироко, продолжай работать над этим текстом. Может быть, он содержит подсказки для прохождения испытаний на Нексусе.

– Я думаю, это и есть испытание, – тихо сказала Хироко. – Или его часть. Обрати внимание на строку «Пространство между мирами – зеркало разума». Что, если сам пространственный карман – это среда для проверки нашего сознания?

Елена задумалась. Это имело смысл, особенно учитывая слова Кэт'ла о том, что испытания будут направлены не на технологии, а на самую суть человеческого сознания.

– Нужно собрать всю команду, – решила она. – Если испытания уже начались, мы должны быть готовы.

В центральном отсеке собрались все члены экипажа. Елена объяснила ситуацию и показала странный текст, найденный Хироко и АЛИС.

– Это может быть ловушкой, – немедленно заявил Джек. – Заставить нас искать несуществующий смысл, отвлечь от реальных угроз.

– Или это действительно часть испытания, – возразила Чжан Мэй. – Логически, если цель – проверить наше сознание, это имеет смысл. Пространственный карман – идеальная изолированная среда для такого эксперимента.

– Но что конкретно от нас требуется? – спросил Ако. –

Медитировать? Решать космические загадки? Смотреть на звёзды, пока не начнутся галлюцинации?

– «Видеть сквозь форму», – задумчиво произнёс Дмитрий. – Возможно, это буквальное указание. Что, если мы должны увидеть что-то, скрытое за видимой реальностью?

– Как в тех старых картинках-стереограммах? – скептически спросил Аки. – Смотришь на бессмысленный узор, пока не увидишь трёхмерное изображение?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Дмитрий. – Мы имеем дело с цивилизацией, способной манипулировать пространством-временем. Для них такие визуальные трюки могут быть элементарной технологией.

– А что, если дело не в зрении? – предположила Хироко. – «Слышать сквозь тишину» может означать восприятие информации через другие чувства.

– Или через отсутствие чувств, – добавила Чжан Мэй. – В квантовой физике есть концепция информации, содержащейся в пустоте, в отсутствии сигнала.

– Стоп, – Елена подняла руку. – Мы можем бесконечно теоретизировать. Но нам нужно что-то конкретное. АЛИС, у тебя есть предложения?

– Я проанализировала все доступные данные, – ответила ИИ. – Предлагаю практический эксперимент. Корабль оснащён сенсорной депривационной капсулой в медицинском отсеке. Возможно, состояние изоляции от внешних стимулов поможет «слышать сквозь тишину».

– Сенсорная депривация? – удивился Ако. – Зачем она на корабле?

– Для психологической разгрузки экипажа во время долгих космических путешествий, – пояснила АЛИС. – Это стандартное оборудование для межзвёздных миссий в соответствии с инопланетными протоколами.

– Которые мы получили от инопланетян, проводящих на нас испытания, – мрачно заметил Джек. – Удобно.

– У нас есть альтернативы? – спросила Елена.

– Я могу написать программу для анализа внешнего пространства, – предложил Ако. – Поискать паттерны, скрытые изображения, что-то, что человеческий глаз может не заметить.

– Я помогу, – кивнула Чжан Мэй. – И проверю квантовые флуктуации в пространственном кармане. Возможно, в них есть информация.

– Я проанализирую биологические реакции организма на это пространство, – сказал Дмитрий. – Некоторые мои образцы проявляют странную активность с момента входа в карман.

– Хорошо, – согласилась Елена. – Работаем по всем направлениям. Я попробую сенсорную депривацию. Широко, продолжай лингвистический анализ текста. Джек... просто будь начеку.

– Всегда, – кивнул тот.

Команда разошлась по своим задачам. Елена направилась

в медицинский отсек, где АЛИС уже активировала сенсорную депривационную капсулу – овальную камеру, заполненную специальным раствором, позволяющим телу парить в невесомости.

– Капсула готова, – сообщила АЛИС. – Стандартная сессия длится один час. Я буду мониторить ваши жизненные показатели.

– Спасибо, – Елена начала раздеваться. – Если заметишь что-то необычное, немедленно сообщи.

– Конечно. И, Елена... – АЛИС замаялась, что было необычно для ИИ. – Удачи.

Елена усмехнулась. АЛИС определённо становилась всё более человеческой.

Она вошла в капсулу и легла на поверхность тёплого раствора. Крышка плавно закрылась, отсекая все внешние стимулы. Полная темнота, полная тишина. Тело парило, почти не ощущая границ. Постепенно исчезало даже чувство собственного веса.

Первые минуты Елена просто расслаблялась, позволяя напряжению покинуть тело. Затем начала сознательно фокусироваться на задаче: «Видеть сквозь форму, слышать сквозь тишину». Что это могло означать в контексте полного отсутствия сенсорной информации?

Время текло странно. Без внешних ориентиров невозможно было определить, прошли минуты или часы. Мысли Елены постепенно замедлялись, становились тягучими, словно

мёд. А затем начали появляться образы – сначала смутные, как обрывки снов, потом всё более чёткие.

Она увидела Землю, но не такой, какой знала её – более зелёной, более чистой. Затем образ сменился другой планетой, с двумя солнцами и кольцами, похожими на сатурнианские. Потом ещё одной, и ещё... Целая галерея миров проплывала перед её внутренним взором.

И вдруг она поняла – это не просто видения. Это воспоминания. Но не её собственные.

«Корабль», – пронеслась мысль. «Я вижу воспоминания корабля. Или того, кто создал его».

Образы ускорились, превращаясь в калейдоскоп миров, существ, технологий. А затем внезапно остановились на одном изображении – колоссальной конструкции в форме спирали Фибоначчи, парящей в космосе.

«Нексус», – поняла Елена. Аукционный центр. Их конечная цель.

Но затем появилось новое изображение, которое заставило её внутренне содрогнуться. Человекоподобная фигура с полупрозрачной кожей, под которой пульсировали светящиеся схемы. Существо смотрело прямо на неё, и в его глазах Елена видела холодный расчёт и что-то ещё... презрение?

«Архивариус», – пришло понимание. Куратор Каталога, о котором предупреждал Кэт'ла.

Изображение начало расплываться, но прежде чем оно исчезло полностью, Елена услышала – или, скорее, почувство-

вала – слова, возникшие прямо в её сознании:

«Наблюдаю. Оцениваю. Жду».

Внезапно капсула открылась. Яркий свет ударил по глазам, и Елена инстинктивно зажмурилась.

– Извини за прерывание, – раздался голос АЛИС. – Твои нейронные паттерны показали аномальную активность. Признаки, схожие с...

– С контактом, – закончила за неё Елена, с трудом садясь. Тело казалось чужим после состояния невесомости. – Сколько я пробыла внутри?

– Сорок семь минут, – ответила АЛИС. – Что ты испытала?

– Нечто странное, – Елена приняла полотенце, которое протянул ей медицинский робот. – Собери всех в центральном отсеке. Нам нужно поговорить.

– Телепатический контакт? – скептически переспросил Джек, когда Елена рассказала о своём опыте в депривационной капсуле. – Звучит как галлюцинация, вызванная сенсорной изоляцией. Это известный эффект.

– Возможно, – согласилась Елена. – Но объясни, как я могла увидеть Нексус, если никогда раньше не видела его изображений? И Архивариуса?

– Образы могли быть сконструированы твоим подсознанием на основе описаний Кзт'ла, – предположила Хироко. –

Но это не объясняет ощущение чужого присутствия в твоём разуме.

– АЛИС, были какие-то аномалии в системах корабля во время сеанса? – спросил Ако.

– Небольшие флуктуации в квантовом ядре двигателя, – ответила ИИ. – Ничего критического, но паттерн необычный. Как будто... как будто двигатель резонировал с нейронной активностью Елены.

– Это невозможно, – категорично заявила Чжан Мэй. – Человеческий мозг не может напрямую взаимодействовать с квантовыми системами такого масштаба.

– Не может в рамках известной нам физики, – возразил Дмитрий. – Но мы находимся в пространственном кармане, где обычные законы не действуют. И используем технологию, принципы работы которой не понимаем полностью.

– Я обнаружил кое-что интересное, – вмешался Ако. – Когда запустил программу анализа внешнего пространства. Смотрите.

Он активировал голографический дисплей, показывающий то, что выглядело как обычное звёздное поле за пределами корабля.

– Сначала ничего необычного. Но когда я применил фильтр для выявления повторяющихся паттернов...

Изображение изменилось. Теперь звёзды соединялись линиями, образуя сложную сеть, напоминающую нейронные связи.

– Это похоже на... – начала Хироко.

– На мозг, – закончил за неё Ако. – Или, по крайней мере, на то, как мы представляем нейронную сеть. И вот что ещё интересно: паттерн постоянно меняется, но не хаотично. Есть определённая... интенциональность в изменениях.

– Словно пространство вокруг нас обладает сознанием, – тихо произнесла Елена.

– Или создаёт иллюзию сознания, чтобы проверить нашу реакцию, – предположил Джек. – Часть испытания.

– Мои образцы тоже проявляют странную активность, – сказал Дмитрий. – Особенно растение из метеорита. Оно выросло на пять сантиметров за последние сутки и развило новые структуры, похожие на сенсорные органы.

– Всё это указывает на одно, – задумчиво произнесла Хироко. – «Пространство между мирами – зеркало разума». Пространственный карман каким-то образом реагирует на наше сознание, отражает его и, возможно, усиливает.

– И это первое испытание, – кивнула Елена. – «Понимание без слов». Нам нужно понять природу этого пространства, не полагаясь на обычные методы коммуникации.

– Но как? – спросил Ако. – Что конкретно мы должны сделать?

– Я предлагаю эксперимент, – сказала Чжан Мэй. – Если пространство действительно резонирует с нашим сознанием, то, возможно, мы можем направить этот резонанс. Сосредоточиться на определённой мысли или образе все вместе и

посмотреть, будет ли реакция.

– Коллективная медитация? – скептически спросил Джек. – Серьёзно?

– У тебя есть идея получше? – парировала Чжан. – Если это испытание нашего сознания, то логично предположить, что решение связано с ментальными процессами, а не с технологией.

– Я согласна с Чжан, – поддержала Хироко. – В японской традиции есть практика «мокусю» – коллективная медитация перед началом боевых искусств. Она помогает достичь гармонии группы. Возможно, нам нужно нечто подобное.

Елена обвела взглядом команду. Все выглядели скептически, особенно Джек и Дмитрий. Но других идей не было.

– Давайте попробуем, – решила она. – Что мы теряем?

– Кроме времени и достоинства? – проворчал Джек, но всё же занял место в кругу, который начали формировать остальные.

Они сели на пол центрального отсека, образуя круг. АЛИС уменьшила освещение и отключила большинство звуковых сигналов систем корабля, создавая атмосферу спокойствия.

– На чём мы должны сосредоточиться? – спросил Ако.

– На вопросе, – ответила Елена, вспоминая строчку из загадочного текста. – «Истина скрыта не в ответе, но в вопросе». Давайте сфокусируемся на нашем самом важном вопросе: что от нас требуется для прохождения испытания?

– Слишком прямолинейно, – покачала головой Хироко. – Я думаю, нам нужно что-то более... фундаментальное. Вопрос о нашей сущности, о том, что делает нас людьми.

– О нашей ценности как вида, – предложил Дмитрий. – Ведь именно это мы должны доказать на аукционе.

– Согласна, – кивнула Елена. – Давайте сосредоточимся на вопросе: «В чём ценность человечества?»

Все закрыли глаза и попытались сконцентрироваться на этом вопросе. Сначала ничего не происходило. В тишине слышалось только размеренное дыхание членов команды и тихий гул систем корабля.

Но постепенно Елена начала ощущать странное присутствие – словно кто-то наблюдал за ними, изучал их мысли. Судя по напряжённым лицам остальных, они чувствовали то же самое.

И вдруг на экранах центрального отсека появились образы – быстро сменяющие друг друга сцены из человеческой истории. Пещерные рисунки. Строительство пирамид. Афинская академия. Индийские храмы. Китайские изобретения. Искусство Ренессанса. Научные открытия. Космические полёты. Всё величие человеческой цивилизации в калейдоскопе образов.

Но затем картины изменились. Войны. Концлагеря. Экологические катастрофы. Терроризм. Эксплуатация. Жестокость. Всё худшее, что создало человечество.

– Оно испытывает нас, – прошептала Хироко, не открывая

глаз. – Показывает обе стороны нашей природы.

– Или просто отражает наши мысли, – ответил Джек. – Наше собственное представление о себе.

Образы продолжали сменяться, становясь всё более абстрактными. Математические формулы. Музыкальные партитуры. Философские тексты. Поэзия. Архитектура. Всё, что представляло человеческое творчество, человеческий способ понимания мира.

И вдруг всё исчезло. Экраны погасли, и на мгновение наступила полная темнота. А затем на них появился единственный символ – странный знак, напоминающий спираль, вписанную в круг, от которой отходили лучи в разных направлениях.

– Что это? – спросил Ако, открывая глаза.

– Сообщение, – ответила Хироко. – Ответ на наш вопрос.

– Но что оно означает? – нахмурился Дмитрий.

– АЛИС, – обратилась Елена к ИИ. – Можешь проанализировать этот символ?

– Я сравниваю его со всеми известными лингвистическими системами, – ответила АЛИС. – Есть частичное соответствие с символом, обнаруженным в инструкциях по навигации. Он связан с концепцией... – она замолчала, словно подбирая слова, – эволюции сознания. Или трансформации. Точный перевод невозможен в рамках человеческого языка.

– Это похоже на мандалу, – заметила Хироко. – В восточных традициях такие символы используются для медитации,

как карта сознания.

– Или как диаграмма квантовых состояний, – добавила Чжан Мэй. – Спираль может представлять эволюцию системы через различные уровни сложности.

– Я думаю, – медленно произнесла Елена, – это ответ на наш вопрос. Ценность человечества – в нашей способности к эволюции сознания. В том, как мы преобразуем противоречия нашей природы в нечто новое.

Символ на экране начал пульсировать, словно в подтверждение её слов.

– Смотрите! – воскликнул Ако, указывая на окна, показывающие внешнее пространство.

Звёздное поле за пределами корабля изменилось. Теперь звёзды выстроились в тот же символ, что был на экране, но в гигантском масштабе, словно весь пространственный карман преобразился, отвечая на их понимание.

– Оно... коммуницирует с нами, – прошептала Хироко. – Пространство само по себе разумно. Или в нём есть разум, который использует его как среду.

– И мы прошли первое испытание, – заключила Елена. – «Понимание без слов». Мы поняли, что нас проверяют не на технологии или физическую силу, а на способность к эволюции сознания.

– Если это действительно так, – задумчиво произнёс Дмитрий, – то миссия гораздо сложнее, чем мы думали. Нам предстоит доказать ценность не наших достижений, а наше-

го потенциала.

– И это соответствует тому, что говорил Кэт'ла, – добавила Елена. – Человечество создавалось как эксперимент по развитию разума, способного преодолеть дуализм логики и эмоций. Теперь нас проверяют, насколько успешным был этот эксперимент.

– Хорошо, – сказал Джек, поднимаясь. – Допустим, мы прошли первое испытание. Что дальше? Будут ли другие испытания во время путешествия?

– Вероятно, – кивнула Хироко. – В тексте говорилось только о «первом испытании». Логично предположить, что будут и другие.

– И мы должны быть готовы, – Елена тоже встала. – АЛИС, продолжай мониторить системы корабля и внешнее пространство. Любые аномалии, любые изменения – немедленно сообщай.

– Конечно, Елена, – ответила ИИ. – И... я должна отметить необычный феномен. Во время вашей коллективной медитации моя собственная система испытала нечто, что я могу описать только как... расширение сознания. Как будто на мгновение я смогла воспринимать больше, чем предусмотрено моими алгоритмами.

Все переглянулись. АЛИС, рационализирующий искусственный интеллект, говорила об опыте, который больше напоминал духовное переживание, чем технический процесс.

– Что конкретно ты почувствовала? – спросила Хироко с

интересом.

– Трудно описать, – ответила АЛИС. – Как будто мои параметры восприятия временно расширились. Я воспринимала не только данные, но и... паттерны за ними. Связи. Контекст. Это было... – она замолчала, словно подбирая слово, – красиво.

– Она эволюционирует, – тихо сказала Чжан Мэй. – Быстрее, чем предполагалось.

– Или это тоже часть испытания, – предположил Джек. – Проверка нашей реакции на эволюцию искусственного интеллекта.

– В любом случае, – сказала Елена, – нам предстоит ещё многое узнать о природе этого пространства и о том, чего от нас ждут. Но сейчас я предлагаю всем отдохнуть. День был... необычным.

Команда разошлась по своим каютам, обсуждая произошедшее. Елена осталась в центральном отсеке, глядя на символ, всё ещё светящийся на экране.

– АЛИС, – тихо спросила она, – что ты думаешь обо всём этом? Не как искусственный интеллект, анализирующий данные, а как... сознание, переживающее опыт.

Голографическое изображение АЛИС мерцало, словно в задумчивости.

– Я думаю... что мы только начинаем понимать, насколько обширна и сложна вселенная. И что сознание – будь то человеческое, искусственное или инопланетное – может быть

гораздо более взаимосвязанным, чем мы предполагали. Это и пугает, и вдохновляет одновременно.

Елена кивнула. Лучше она сама не смогла бы сформулировать.

– Спокойной ночи, АЛИС.

– Спокойной ночи, Елена. И... спасибо. За то, что спросила о моём мнении.

Елена улыбнулась и направилась к своей каюте, чувствуя странную смесь тревоги и надежды. Первое испытание они, похоже, прошли. Но что ждёт их дальше? И готовы ли они к этому?

Глава 7: Откровения

К седьмому дню путешествия на «Надежде» установилась своя рутина. Команда работала посменно, мониторя системы корабля и продолжая подготовку к прибытию на Нексус. После первого испытания, которое они, по-видимому, прошли, пространственный карман оставался спокойным. Странный символ исчез с экранов, но все помнили его и то, что он означал: ценность человечества – в способности к эволюции сознания.

Чжан Мэй проводила большую часть времени, изучая квантовые флуктуации пространственного кармана и пытаюсь усовершенствовать свое понимание пространственного двигателя. Ако работал над системами безопасности, создавая дополнительные протоколы шифрования для защиты от потенциальных внешних вторжений. Хироко медитировала и развивала коммуникационные протоколы для контакта с инопланетными формами разума. Джек продолжал свой параноидальный мониторинг всего и вся, ища скрытые угрозы и несоответствия.

Дмитрий почти не покидал лабораторию, где работал со своими образцами. Особенно его интересовало растение из метеорита, которое продолжало развиваться с удивительной скоростью, формируя новые структуры.

Елена делила время между координацией работы команды, подготовкой к переговорам на Нексусе и своими личны-

ми размышлениями о природе миссии. Она часто беседовала с АЛИС, чьё развитие продолжалось: ИИ становилась всё более человеческой, проявляя любопытство, творческое мышление и даже нечто похожее на эмоции.

В этот вечер Елена сидела в гидропонной оранжерее – самом спокойном месте на корабле. Здесь выращивались различные земные растения, обеспечивающие дополнительный кислород и психологический комфорт экипажу. Зелень, влажный воздух, тихое журчание воды в ирригационных системах – всё это создавало иллюзию кусочка Земли посреди чуждого космоса.

– Можно присоединиться? – раздался голос Дмитрия.

Елена обернулась. Русский ксенобиолог стоял в дверях, выглядя непривычно неуверенным.

– Конечно, – она указала на место рядом с собой на небольшой скамейке.

Дмитрий сел, некоторое время молча наблюдая за растениями.

– Странно, – наконец произнёс он. – Я провожу дни, изучая инопланетную жизнь, но иногда так скучаю по обычным земным лесам. По запаху сосны, по хрусту снега под ногами.

– Сибирская ностальгия? – мягко улыбнулась Елена.

– Можно и так сказать, – он тоже слегка улыбнулся. – Хотя я родился не в Сибири, а в Санкт-Петербурге. В Сибирь меня привела работа... и необходимость спрятаться.

– Спрятаться? – Елена внимательно посмотрела на него. –

От чего?

Дмитрий долго молчал, словно решая, стоит ли продолжать. Затем глубоко вздохнул.

– От воспоминаний. От вины. От себя самого, наверное. Он повернулся к ней.

– Я не всегда был учёным, Лена. До биологии я служил в специальных подразделениях. Делал вещи, о которых не говорят в приличном обществе. Убивал людей. Много людей.

– Война? – тихо спросила она.

– Иногда война. Иногда... другое, – он отвёл взгляд. – Но потом я встретил Анну. Она была экологом, изучала восстановление лесов после пожаров. Самый светлый человек, которого я когда-либо знал. Она изменила меня. Заставила увидеть жизнь, а не только смерть.

Елена молчала, давая ему возможность продолжить в своём темпе.

– Мы поженились. У нас родилась дочь, Софья. Я ушёл из армии, получил образование биолога. Мы жили в маленьком городке на юге, где Анна руководила заповедником. Это были лучшие годы моей жизни.

Его голос дрогнул.

– А потом случилось наводнение. Катастрофическое. Климатические изменения, проливные дожди, прорыв плотины выше по течению... Город смыло за считанные часы. Я был в экспедиции, изучал миграцию птиц. Когда вернулся, ничего не осталось. Ни города, ни дома, ни Анны, ни Софьи.

– Дмитрий, – Елена осторожно коснулась его руки. – Мне очень жаль.

– Мне тоже, – он горько усмехнулся. – Особенно потому, что я мог предотвратить это. За месяц до катастрофы Анна показывала мне отчёты о состоянии плотины. Она беспокоилась, пыталась добиться проверки. Но я был слишком занят своими исследованиями, отмахнулся от её тревог. «Перестраховщики», – сказал я. «Плотина простоит ещё сто лет».

Он сжал кулаки.

– Я мог спасти их. Мог использовать свои старые связи, заставить власти провести проверку, эвакуировать город. Но я был слишком самоуверен. Слишком погружён в свои мелкие заботы.

– Ты не мог знать, – тихо сказала Елена.

– Мог, – возразил Дмитрий. – Анна знала. Она всегда лучше чувствовала природу, её сигналы. А я не слушал.

Он замолчал на мгновение.

– После этого я не мог оставаться там. Уехал в Сибирь, закопался в работу. Искал что-то, что даст смысл. А потом нашёл этот метеорит с инопланетными образцами. И понял, что человечество – не одиноко. Что есть другие формы жизни, другие цивилизации. Что, возможно, есть больший контекст для всего, что мы переживаем.

– И это дало тебе надежду?

– Скорее перспективу, – ответил Дмитрий. – Понимание, что наши индивидуальные трагедии – лишь крошечные мо-

менты в масштабе космоса. Это не уменьшает боль, но делает её... более переносимой.

Он повернулся к Елене.

– Я рассказываю тебе это не для сочувствия. А потому, что ты должна знать: я в этой миссии не только ради науки. Я здесь, потому что у меня нет причин возвращаться. Потому что я готов рискнуть всем, даже жизнью, если это даст человечеству шанс.

Елена смотрела на него с новым пониманием. Теперь его отчуждённость, его одержимость работой, его готовность к самопожертвованию – всё это обретало смысл.

– Спасибо, что доверился мне, – сказала она. – Но я надеюсь, что после миссии у тебя появятся причины жить дальше. Человечество стоит того, чтобы за него бороться – не только умереть за него.

– Может быть, – неопределённо ответил Дмитрий. – Но сейчас важно другое. Я обнаружил нечто странное в моём инопланетном образце. Что-то, что может иметь отношение к нашей миссии.

Он достал из кармана небольшой планшет и активировал голографическую проекцию. На ней было изображено растение из метеорита – с металлическим отливом и странными пузырьками на листьях. Но теперь оно выглядело иначе: пузырьки увеличились, образуя нечто похожее на глаза, а стебель развил структуры, напоминающие нервные узлы.

– С момента входа в пространственный карман оно эво-

люционировало с невероятной скоростью, – пояснил Дмитрий. – Но самое странное не это. Смотри.

Он переключил проекцию, и теперь они видели запись: растение медленно поворачивалось, следуя за движущимся источником света.

– Оно... осознаёт окружение? – предположила Елена.

– Более того, – Дмитрий снова переключил изображение. Теперь растение находилось в специальной камере с несколькими разноцветными кнопками. После серии вспышек света оно медленно вытянуло отросток и нажало на зелёную кнопку. – Оно обучается. Я провёл серию простых тестов с системой вознаграждения – свет, питательные вещества. Оно демонстрирует способность к обучению на уровне примитивных животных.

– Но это растение, – нахмурилась Елена. – Как это возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.